УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ

ЗАРЯ

ГОДЪ ТРЕТІЙ

ІЮНЬ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ
1871.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. **Изъ деревни**. *А. А. Фета* 3

II. **Греко-Болгарскій церковный вопросъ**. *П. Тесовскаго* 87

III. **Послѣдній Польскій король Станиславъ-Августъ Понятовскій**. Глава II. *М. Де-Пуле* 106

IV. **Конрадъ Валленродъ**. (Историческая повѣсть А. Мицкевича). III. *Н. С—ва*. 166

V. **Славнуки**. Картины изъ крестьянской жизни. *Влад. Александрова* 177

VI. **Первая любовь**. Рыцарская пѣсня. (Подраженіе А. де-Мюссе). *Б. Алмазова* 218

VII. **Очерки прошлаго**. Городъ Смуровъ. (Уѣздныя сцены). *А. Чужбинскаго*. . 220

VIII. **Очерки политической и домашней жизни грековъ въ средніе вѣка**. *Г. Кипріанова* 307

IX. **Славная женщина**. (Романъ автора «Джона Галифакса»). Гл. X—XII. . 336

X. **Журналы общества содѣйствія русской промышленности и торговлѣ**. 1

XI. **Изъ современной хроники**. Наши политическіе заговоры прежнихъ и нынѣшнихъ временъ.—Аристократическій характеръ прежнихъ заговоровъ.—Напускной характеръ заговоровъ позднѣйшихъ.—Нечаевское дѣло.—Факты, обнаруженные предварительнымъ и судебнымъ слѣдствіями.—Подсудимые.—Загадочная лич-

Библиотека 8-хъ Гор.

ЗАРЯ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

В. КАШПИРЕВЫМЪ.

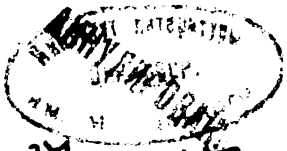
ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ІЮНЬ.

С. Петербургъ.

Типографія Майкова въ д. Министерства Фин. на Дворц. площ.

1871.



37.М285п. МК

057
ZAR
V.3
no.6

ИЗЪ ДЕРЕВНИ.

Скажите: Экой вздоръ! иль bravo
Иль не скажите ничего.
Пушкинъ.

Наши первыя записки *изъ деревни* совпадали съ обнародованіемъ крестьянской реформы. То были первые весенніе дни свободы со всѣми неразлучными спутниками. 19 Февраля было днемъ не возрожденія, а истиннаго рожденія. Россія, долгое время болѣзненно носившая зрѣющій организмъ свободы, наконецъ произвела на свѣтъ не недоноска, а вполнѣ развитаго младенца, вздохнувшаго въ первый разъ. Тѣмъ не менѣе это былъ младенецъ, и кто могъ знать, не искалѣчатъ ли его на первыхъ порахъ многочисленныя бабушки и нянюшки, и не оправдается ли пословица о 7 нянькахъ? — Да, то были первые весенніе дни. Русская грудь вздохнула мягкимъ, свѣжимъ воздухомъ, но двигаться, — ѣхать было некуда. Торные зимніе пути быстро таяли подъ ногами, весеннее половодье сносило одни старые мосты и гати за другими и тоскливый взоръ путника видѣлъ одну невылазную бездорожицу. Въ картинѣ, списанной въ то время съ нашего скромнаго хозяйства, многіе узнали собственную обстановку, за то другіе всѣми силами старались выдать фотографъ за памфлетъ и доносъ. Наши записки въ теченіи долгихъ лѣтъ служили неистощимой тэмой свистковъ и дешевой каррикатуры. Дѣти, взглянувъ на барометръ и догадываясь, что скоро ихъ не пустятъ на улицу, готовы были разбить безмятежный инструментъ, точно онъ виновникъ приближающейся грозы. Съ тѣхъ

поръ прошло около 10 лѣтъ. Все обошлось благополучно. Правительство, пропуская мимо ушей вакхическіе возгласы и намеки непрошенныхъ нянюшекъ, не рѣшилось испытывать надъ новорожденной свободой утопическихъ, нигдѣ въ мірѣ не существующихъ, пріемовъ воспитанія, а придержалось общензвѣстныхъ пріемовъ, оправданныхъ наукою и опытомъ. Оно прежде всѣхъ поняло, что замѣна частнаго произвола личной свободой безотлагательно требуетъ сугубаго огражденія личности и собственности положительнымъ закономъ, незыблимости договоровъ, полноправности частнаго хозяйства, права гласнаго обсужденія своихъ нуждъ и т. д Все это своевременно было понято правительствомъ и результатъ вышелъ громадный.

За послѣднія 10 лѣтъ Россія пришла по пути развитія болѣе чѣмъ за любое полустолѣтіе прежней жизни. Современникъ Екатерины удивился бы менѣе воскреснувъ въ 1860 году, чѣмъ умершій въ этомъ году и воскресшій въ 1871. Быстрота развитія изумительная, но она дѣлаетъ насъ слишкомъ требовательными по отношенію къ поступательному движенію и въ тоже время пріучаетъ удовлетворяться однимъ номинальнымъ существованіемъ предметовъ новаго порядка, не давая времени осмотрѣться, въ какое соотношеніе эти новыя, прекрасныя вещи пришли съ окружающимъ ихъ міромъ и могутъ ли онѣ, въ настоящемъ соотношеніи, приносить ожидаемую пользу. За примѣрами ходить недалеко: ихъ можно представить до пресыщенія. Желѣзныя дороги пролетѣли изъ конца въ конецъ Европейской Россіи, закрывая мѣстныя почтовыя станціи. Въ тоже время судебныя камеры, замѣнившія прежніе уѣздные суды и полицейскія управленія, разбрасались по всему уѣзду. Въ результатѣ оказалось, что двойное благодѣяніе сподручнаго мѣстнаго Суда и быстраго почтоваго сообщенія, по неполной организаціи послѣдняго, приводитъ край къ двойному затрудненію. Уѣздные суды, удаляясь отъ уѣздныхъ почтовыхъ конторъ, разбѣжались по селеніямъ, а сельскія почтовыя конторы ушли изъ селеній и исчезли въ уѣздной. Изъ почтовыхъ вагоновъ на подоконники станцій выбрасываютъ простую и просительскую корреспон-

денцію, за которую никто не отвѣчаетъ. Пріема казенной и денежной корреспонденціи на станціяхъ вовсе нѣтъ. Прежде вы ее возили за 7 верстъ, теперь ступайте въ уѣздный городъ за 70. Чуть не за полвѣка Гоголь смѣялся надъ почтмейстеромъ, читавшимъ частную корреспонденцію. Теперь ему пришлось бы смѣяться надъ начальниками станцій и телеграфистами, которые не читаютъ и не берутъ чужихъ журналовъ въ вѣчную собственность. Куда тутъ кричать: *не распечатывай*! Распечатывай сколько угодно, да хоть черезъ мѣсяцъ брось на подоконникъ, съ котораго малограмотные и безграмотные хватаютъ и увозятъ въ невѣдомыя страны чужія письма и журналы. Основываясь на положительномъ законѣ, публика требуетъ отъ судьи скораго удовлетворенія ея справедливыхъ просьбъ. Судья одинъ отвѣчаетъ за свои рѣшенія, а исполнители т. е. судебные пристава ни зачто. Но вотъ рѣшеніе состоялось, а волостной старшина ничего не дѣлаетъ по исполнительному листу. Истецъ ропщетъ на новые суды, а что станетъ дѣлать судья въ чужомъ вѣдомствѣ? — Крестьянскій самосудъ, во многихъ отношеніяхъ превосходное учрежденіе, но почему же онъ одинъ долженъ пользоваться безапеляціонностію, подлежа обжалованію только въ кассаціонномъ порядкѣ, сводящемся къ единственному вопросу: присутствовалъ ли старшина при постановленіи приговора? Ежедневные вопли крестьянъ у дверей мировыхъ судовъ доказываютъ неудовлетворительность такого порядка. Мы съ вами проматываемъ свою собственность,—мы правы. Мы идемъ въ волость и беремъ у третьяго лица работу на всю рабочую силу, хорошо извѣстную волости — и проматываемъ полученный задатокъ—мы опять правы. Но мы идемъ въ ту же волость и завѣдомо беремъ такую же одновременную работу у четвертаго лица, которое неможетъ знать о нашемъ первомъ обязательствѣ. Ясно, что въ день исполненія договоровъ выходитъ хаосъ. Воздерживаясь отъ дальнѣйшихъ примѣровъ, замѣтимъ только, что устраненіе неудобствъ въ приведенныхъ случаяхъ не требуетъ никакой ломки или новыхъ расходовъ со стороны общества, а легко осуществимо небольшими исправленіями недосмотровъ, явившихся въ слѣдствіе быстроты по-

ступательнаго движенія. Послѣднее условіе, т. е. безденежность полезныхъ мѣръ, мы считаемъ до того существеннымъ, что внѣ его готовы обозвать вредной химерой всякое, въ сущности, благое начинаніе. Привыкшіе въ столицахъ къ громадному, непрестанному движенію капиталовъ не хотятъ понять, какимъ образомъ цѣлая необъятная мѣстность, безъ различія сословій, въ продолженіи мѣсяцевъ сидитъ безъ копѣйки. Въ подобное время предусмотрительный хозяинъ, съ улыбкой самодовольствія, скажетъ вамъ: соль есть, сахаръ есть, свѣчи и керосинъ есть—и я покоенъ. Представьте же себѣ, что жители этой мѣстности узнаютъ о намѣреніи вашемъ облагодѣтельствовать ихъ новымъ налогомъ — и вы поймете, въ какой мѣрѣ они сочтутъ васъ благодѣтелемъ.

Намъ и на этотъ разъ хотѣлось бы сохранить за нашими записками характеръ фотографіи. Если первые отражали порядокъ хаоса, (если въ хаосѣ мыслимъ порядокъ) то настоящимъ придется отражать хаосъ порядка. Это уже большой шагъ впередъ. Наша жизненная среда совершенно видоизмѣнилась къ лучшему, но ея новый характеръ еще не успѣлъ окончательно опредѣлиться. Мы всѣ Робинзоны, всѣ ищемъ новыхъ путей и средствъ къ произведенію тѣхъ самыхъ вещей, которые когда то такъ легко производились по рутинѣ. Такихъ путей въ настоящее время множество. Сами по себѣ они не новы, но не торны только потому, что сама почва повернулась подъ ногами. Что при крѣпостномъ трудѣ было выгодно – при вольномъ убыточно. Практика, какъ бы на зло теоріи, указываетъ на два рядомъ уживающихся рода промышленности: *коммерческій* и *крестьянскій*. Въ первомъ трудъ цѣнится непомѣрно высоко, во второмъ—ни вочто. Такую аномалію необходимо понять. Что такое положеніе дѣла вытекаетъ изъ существенныхъ условій нашей промышленной жизни, этого не хотятъ или не умѣютъ понять наши регламентаторы и подобный недосмотръ часто приводитъ къ самой жалкой и напрасной затратѣ капитала, въ ущербъ дѣлу. Такъ напримѣръ громадное конопляное производство стало исключительной монополіей крестьянъ, главной опорой ихъ благосостоянія, тогда какъ при вольнонаемномъ трудѣ оно не мысли-

мо. Нынѣшней весною одинъ изъ нашихъ дѣятельныхъ агрономовъ попробовалъ посѣять 8 десятинъ конопли. Конопля на жирной землѣ родилась дивная, но тутъ же и сгнила на корнѣ. Осенью ни за деньги, ни исполу, ни на другихъ еще болѣе выгодныхъ условіяхъ до нея никто не дотронулся. Агрономъ махнулъ рукой и говоритъ: „Довольно! поучился. Другу и недругу закажу". Въ нашей мѣстности крестьяне охотно берутъ десятину подъ овесъ, платя за нее отъ 6 до 8 рублей. Попробуйте нанять такую землю и обработать ее наймомъ не въ убытокъ. Мы пробовали. Дуализмъ нашего народнаго хозяйства требуетъ крайняго къ себѣ вниманія и недозволяетъ успокоиваться кабинетными выкладками насчетъ извѣстныхъ мѣръ, на томъ основаніи, что де одному выгодно, стало быть и всѣмъ выгодно. Намъ еще долго будетъ выгодно дѣлать многое кое какъ, мы даже не прибавимъ: къ сожалѣнію. Такое сожалѣніе предполагаетъ, что мы не то, что мы на самомъ дѣлѣ. Не такъ смотрятъ на дѣло наши регламентаторы, изъ двухъ противуположныхъ лагерей.

Вы имъ указываете на извѣстное зло, только потому, что явилась возможность на него указать. Они сами знаютъ, что зло вѣковое, хотя встрѣчаться съ нимъ непріятно. А вы, какъ нарочно, на него указываете. Уничтожить его нечѣмъ. Средствъ на это подъ руками нѣтъ, а то давно бы ихъ употребили. Между тѣмъ непріятное впечатлѣніе произведено вами. Вы авторъ этого дурнаго впечатлѣнія. Если нельзя уничтожить зла, надо уничтожить впечатлѣніе, — сказать, что зла нѣтъ, что его выдумалъ NN и все войдетъ въ прежнюю колею, съ отчетами о полномъ благоденствіи. Правда, этотъ испытанный пріемъ напоминаетъ голову индѣйки подъ лопухомъ, но зато простъ и удобенъ. Такова старая школа. Не менѣе оригинальны пріемы *новыхъ людей*. Если имъ неправится извѣстное явленіе, то передъ ними не смѣйте заикаться, что оно неизбѣжно, а потому и своевременно. Обозвавъ явленіе зломъ, они не ограничиваются требованіемъ за него къ суду одной современности. Они разыщутъ его корень у Іоанновъ, Бориса и т. д. и докажутъ, какъ бы было отлично, еслибы Екатерина поступила

не такъ, какъ поступила. Они знать не хотятъ, что прошедшее не болѣе, какъ невозвратный призракъ, къ которому подходить съ современными понятіями добра и зла, по малой мѣрѣ — смѣшно.

„Какъ? воскликнутъ регламентаторы: двѣ мѣры и двое вѣсовъ для одного и того же дѣла въ рукахъ различныхъ производителей? Гдѣ жъ равенство?“ Извините господа! мы только позволяемъ себѣ замѣтить, что поставляя двѣ вещи, основанныя на разнородныхъ факторахъ, одну вмѣсто другой, вы впадаете въ ариѳметическую ошибку, могущую отозваться большимъ недочетомъ въ народномъ хозяйствѣ. Вы полагаете, что достаточно видѣть зло, чтобы тотчасъ устранить его. А жизнь говоритъ: бѣда бѣдѣ рознь и помощь помощи рознь. Тришка былъ правъ, говоря: „Такъ я же не дуракъ“, когда догадался, отрѣзавъ фалды и полы, починить кафтанъ. Лучше ходить въ теплой куркѣ, чѣмъ въ дырявомъ кафтанѣ. Но будь у него дырявая куртка, онъ какъ практикъ, не сталъ бы чинить ее, вырѣзывая куски изъ спинки, а донашивалъ бы ее, пока не наживетъ новой. Такъ поступаетъ всякое разумное хозяйство. Въ запрошломъ году, въ нашей мѣстности, урожай былъ отличный и цѣны на хлѣбъ высоки, и затѣмъ въ прошломъ 1870 году всѣ точно сговорились строиться. Тришка сталъ шить себѣ новый кафтанъ. Помѣщики и крестьяне рвали другъ у друга изъ рукъ камень, бревна и плотниковъ.

Вмѣсто прежнихъ 6 руб. въ мѣсяцъ, плотнику, еле владѣющему топоромъ, съ радостью давали 10 руб. Что это? Случайность или сила вещей? Въ первый теплый денекъ, въ половинѣ апрѣля, пересѣките въ выгонѣ черноземную полосу средней Россіи отъ Тулы до Курска. Вы увидите, что все населеніе высыпало въ поле сѣять. Что это? Тайный уговоръ по телеграфу (tacitus consensus), или естественная сила вещей? Та всемогущая воля, которая единовременно гонитъ молодую озимь изъ земли и плодоносный сокъ отъ корней къ вершинѣ дерева?

Всякое улучшеніе тогда только прочно и плодотворно, когда помогаетъ естественному развитію дѣла, а не рветъ его изъ корня вонъ. Въ этомъ случаѣ безсмертнымъ образцомъ на всегда останется

наша великая крестьянская реформа. Повидимому, не трогая ничего, она измѣнила все. Она только на дѣлѣ осуществила трехдневную барщину, давно узаконенную. Она оставила помѣщиковъ при фактическомъ правѣ на крестьянскій надѣлъ, предоставивъ крестьянамъ юридическое право на землю, которою, въ существѣ, они владѣли впродолженіи столѣтій. Реформа, повидимому, произошла только на словахъ и потому на всемъ громадномъ пространствѣ, вызвала нѣсколько ничтожныхъ недоразумѣній, но нигдѣ не произвела потрясеній. Не изъ за чего было враждовать. Измѣнялись только отвлеченныя понятія — слова. Но эти слова были слова свободы; это были тѣ слова, о которыхъ поэтъ сказалъ:

Есть рѣчи — значенье
Темно иль ничтожно,
Но имъ безъ волненья
Внимать невозможно.

Эти слова хлынули на вѣковѣчную землю новымъ потокомъ жизни. Нечему удивляться, что живоносная влага разгулявшись по лицу земли, мѣстами не тронула высотъ, а мѣстами, не вправляясь въ старыя русла, поснесла мельницы и цѣлыя селенія, да и сама перемутилась съ пескомъ и землею. Дѣйствительно, многія изъ снесенныхъ зданій были хороши и полезны и жаль, что сама вода видимо помутилась. Но перевести ваши сожалѣнія на русскій языкъ, выйдетъ одно изъ двухъ. Либо жаль, что оплодотворили жаждущую землю разомъ въ такомъ количествѣ. Съ этимъ едвали кто согласится уже потому, что полміра однимъ ведромъ не оросишь. Либо жаль, что вода тяжела и текуча, т. е. сильна и мокра. Въ иномъ случаѣ можетъ быть и жаль, но секретъ сухой воды еще не открытъ. Погодите: „Живя, умѣй все пережить“, сказалъ поэтъ-философъ. Законъ тяготѣнія лучше всякихъ регламентацій, распредѣлитъ текучую силу по новымъ и старымъ русламъ, вода отстоится, и все придетъ въ надлежащій видъ. Нерѣдко вся мудрость воспитателя состоитъ въ умѣніи воздержаться отъ уничтоженія временнаго безобразія воспитанника. Обрубите у молодой хвойки ея корявые, низменные сучья. Лишивъ дерево необходимаго питанія

воздухомъ, вы убьете его. Подождите лѣтъ 40 и увидите стройный, могучій стволъ съ небольшой, зеленой короной на верху. Куда же дѣвались безобразные сучья? Они засохли и сами обломились. Что можетъ быть безобразнѣй лица, покрытаго подсыхающей оспой? Только не трогайте и не деритe — все смѣпится благообразіемъ. А станете драть и безобразіе останется на вѣкъ. Молодая лошадь не знаетъ, что ей дѣлать. Она нейдетъ. Не бейте ее, она одумается и сама пойдетъ. Ударили — все пропало. Она наровиста на вѣкъ. Переходимъ къ другому порядку мыслей и къ другому апологу. Заяцъ, пустившійся въ запуски бѣжать съ черепахой, пренебрегаетъ ее медленностью и колеситъ по сторонамъ, пока та ползетъ прямо. Черепаха остается побѣдительницей. Что же дѣлать, если такова природа человѣка, въ положеніи крыловскаго зайца? Мы не дорожимъ тѣмъ, что достается легко, — *что имѣемъ не хранимъ*, хотя *потерявши плачемъ*. Но не взирая на горькія слезы, если завтра легко получимъ оплакиваемое, не сохранимъ его снова. Такими зайцами, въ свою очередь, были до крестьянской реформы, наши помѣщики, не потому чтобъ были исключеніями, а напротивъ потому, что оставались вѣрны человѣческой природѣ. Неудивительно, что другія сословія, бывшія, по отношеніи къ нимъ, въ положеніи черепахи, обогнали ихъ въ дѣлѣ благосостоянія.

Реформа всѣхъ уровняла и пожаловала въ черепахи, и присмотритесь, съ какимъ напряженіемъ и ловкостью новыя черепахи поползли къ благосостоянію. Продолжаютъ гибнуть тѣ, которые, по старой памяти, воображаютъ себя зайцами, забывая, что они давно черепахи. Если, сравнительно образованные, люди способны поддаваться такому увлеченію, чтожь мудренаго, что наши крестьяне, очутившись на волѣ, поддались ему? Когда подумаешь, что у нашихъ крестьянъ еще свѣжо объясненіе троекратнаго погруженія новорожденнаго въ купель — посвященіемъ его на три зимнихъ обоза съ барскимъ хлѣбомъ въ Москву, т. е. на ежегодный извозъ (въ два пути) въ 2400 верстъ, на собственный счетъ, что кромѣ безконечной молотьбы всего урожая цѣпами, съ каждаго двора при-

ходился весьма почтенный сборъ живностью и хозяйственными произведеніями — и вдругъ, въ одинъ день, все это свалилось съ плечъ крестьянъ, то перестаешь удивляться, что въ новомъ положеніи крестьяне, въ свою очередь, почувствовали себя зайцами.

Въ сороковыхъ годахъ въ Елисаветградѣ, бывшемъ въ то время центромъ громадныхъ царскихъ смотровъ, между военной молодежью славилась гостинница еврейки Симки. Бывшая красавица — вдова М-me Симка мастерски вела свое предпріятіе и умѣла угодить всѣмъ, отъ юнкера до генералъ-адъютанта. Мы увѣрены, что большинство старыхъ служивыхъ помнятъ ея чистыя, богато-убранные номера, роскошный столъ, приготовленный тонкимъ лопухинскимъ поваромъ, живыхъ стерлядей, высокія вина, англійскіе сервизы и заграничный хрусталь. Нечего говорить, какая жизнь кипѣла въ гостинницѣ, во время царскихъ смотровъ и передвиженія войскъ, когда вспомнишь, что половина кавалерійскихъ офицеровъ арміи состояла изъ людей богатыхъ. Въ числѣ лицъ, пользовавшихся особеннымъ вниманіемъ ловкой хозяйки былъ и нашъ полковой командиръ баронъ Карлъ Ѳедоровичъ, постоянно останавливавшійся въ ея гостинницѣ, во время пріѣздовъ въ корпусный штабъ, по дѣламъ службы. Однажды осенью, вернувшись изъ Елисаветграда, баронъ, между прочимъ, сказалъ мнѣ: „Симка вамъ кланяется". "Покорно благодарю — какъ идетъ ея торговля?"

При этомъ вопросѣ баронъ покатился со смѣху.

„Вообразите, отвѣчалъ онъ, я спросилъ ее о томъ же, какъ, говорю, — торгуете?" Ничего, говоритъ, слава Богу! — „Кто-же у васъ тутъ проходилъ?" — Проходила, говоритъ, конная артиллерія. — Ахъ! какіе это прекрасные молодые люди! какіе воспитанные молодые люди! — „М-me Симка! да за что-же вы ихъ такъ хвалите? развѣ ужь очень много пили?" — „Ахъ! всѣ попили, всѣ поб-били, — и вс-э-э — заплатили." — Можно представить какую цифру она выставила въ счету за побитую посуду.

Въ настоящее время, въ нашей мѣстности квартируетъ артиллерія. Намъ нерѣдко приходилось обѣдать въ трактирѣ съ офицерами и мы можемъ засвидѣтельствовать, что эти, въ свою оче-

редь, прекрасные молодые люди, почти ничего не пьютъ и очень осторожны съ посудой. Мало того, во внѣшней жизни они окружены сравнительно бблышимъ комфортомъ и вѣрно у нихъ нѣтъ тѣхъ долговъ, какіе бывали у ихъ предшественниковъ-богачей. — Если вы не согласитесь съ М-me Симкой, что ея посѣтители были прекрасные, воспитанные молодые люди, то будете неправы. Вспомните греческихъ философовъ-стариковъ, родоначальниковъ спекулятивнаго мышленія, предававшихся ночнымъ оргіямъ. Тутъ дѣло не въ образованіи, а въ легкости добыванія денегъ. Вспомните игроковъ. Наша комедія, усердно изучавшая типъ старожиловъ-купцовъ, нажившихъ милліоны, никогда не упрекала ихъ въ мотовствѣ. Такое обвиненіе было бы нелѣпо. Куда моту наживать. Между тѣмъ упрекъ въ мотовствѣ чаще всего относится къ ихъ, сравнительно болѣе образованнымъ, сыновьямъ, которыхъ легко достающіяся деньги нерѣдко соблазняютъ олицетворить народное выраженіе: „не препятствуй моему ндраву“. Словомъ сказать: *„что имѣемъ не хранимъ“*.

Не удивительно, что крестьянину, какъ всякому другому, не въ прокъ легко достающійся избытокъ. Попробуйте сдать милліонеру въ долгосрочную аренду какое либо имущество, за третью часть дѣйствительной наемной цѣны — и спросите его: чему равняется вашъ поступокъ? Онъ отвѣтитъ: покорно благодарю; вы подарили мнѣ $^2/_3$ найма, которыми я воспользуюсь для преумноженія капитала. *„Большая де куча, не надокучитъ“*. Посмотримъ, такимъ ли оказался результатъ подобныхъ подарковъ по отношенію къ нашимъ крестьянамъ?

Въ первое время освобожденія многіе помѣщики, вѣроятно испугавшись предстоящей безпомощности, представили своихъ зажиточныхъ крестьянъ на обязательный выкупъ и сдали имъ же барскую землю въ долгосрочную аренду — почемъ попало. Такимъ образомъ, въ ближайшемъ нашемъ сосѣдствѣ, сданы земли въ дер. Степановой по 2 р. 75 коп., а въ селѣ Спасскомъ по 2 р. 30 коп., тогда какъ въ с. Богородицкомъ, въ истекшемъ году, крестьяне сняли господскую землю въ аренду, по 8 руб. за десятину—

кругомъ. Смотря на дѣло съ коммерческой стороны, должно было ожидать быстраго обогащенія Спасскаго и Степановскаго обществъ. Вышло на оборотъ. Это единственныхъ два общества въ нашемъ округѣ, со времени освобожденія, видимо захудавшихъ и задолжавшихъ кругомъ и работами и деньгами. Дѣло объясняется просто. Земли плодородной много подъ руками, кому же и вѣрить, какъ не ея хозяевамъ? А тутъ неурожай. Надо платить аренду, хоть и ничтожную. Заняли подъ посторонную работу. Пришла весна, — надо работать на сторонѣ,—а свое кое-какъ.— Чужую убираютъ а своя сыпится. Зимой еще нужнѣй деньги и работа на сторонѣ и т. д. какъ слѣдуетъ настоящему зайцу, а сосѣдняя черепаха все ползетъ, да ползетъ.—Въ запрошломъ 1869 году крестьяне Золотаревскаго общества, по случаю большихъ заработковъ, при постройкѣ Орловско-Елецкой чугунки, получали десятки тысячъ. Спросите: куда дѣвались эти деньги? Часть пошла на уплату недоимокъ, а большая часть въ кабакъ.

Это очень грустно, но быть иначе не можетъ, потому что рядомъ живетъ человѣкъ съ тѣми же потребностями, которыхъ удовлетворяетъ третьей частью такого случайнаго дохода. Дѣло является въ иномъ видѣ тамъ, гдѣ крестьяне медленнымъ трудомъ, хотя бы при крѣпостномъ правѣ, пріобрѣли собственную землю. Въ такихъ селеніяхъ, какъ напр. въ сосѣднемъ съ нами Глѣбовѣ, не только сами крестьяне, но даже случайныя наслѣдницы поземельной собственности—бабы и дѣвки до того проникнуты своимъ правомъ собственности, что никакой адвокатъ ихъ не собьетъ. Онѣ прямо выкладываютъ на столъ сотни рублей, лишь бы не подвергать своихъ земель отчужденію, согласно обязательствамъ покойнаго владѣльца. „Покойникъ де можетъ и обѣщалъ выдать куничую, а мы не желаемъ. А вы берите съ насъ долгъ—и, какъ слѣдуетъ, убытки“. За то изъ такого селенія никто не пойдетъ къ вамъ дня поработать. Развѣ въ видѣ величайшаго одолженія — за водку. Что касается до развитія общаго уровня крестьянскаго благосостоянія, то уже изъ немногаго сказаннаго можно заключить, что возгласы объ упадкѣ его неосновательны. Слава Богу! нѣтъ

причинъ для его пониженія и есть тысячи для его возвышенія. Крестьянинъ, у котораго все время было занято семидневной барщиной, въ теченіи вѣковъ, несъ лежащіе на немъ расходы и поборы при помощи надѣла, обрабатываемаго безтягольными лицами семьи. Теперь онъ на томъ же надѣлѣ полный хозяинъ своего времени. Заработная плата, несмотря на помощь и конкурренцію машинъ, поднялась до того, что выгоднѣе получать изъ заграницы издѣлія изъ собственнаго сырья, чѣмъ выдѣлывать его дома. Посмотримъ, въ какой мѣрѣ дѣйствительность оправдываетъ наше умозрительное (a priori) заключеніе.

Оставимъ въ сторонѣ такія частности, какъ покупка крестьянами цѣлыхъ имѣній. Мы знаемъ примѣры такихъ покупокъ во 100 тыс. Два года тому назадъ, мы купили клокъ земли за 7 тысячъ и временно-обязанный крестьянинъ откровенно объявилъ, что не перебиваетъ покупки только потому, что *земельки маловато*. Хотя такихъ, весьма нерѣдкихъ явленій не слѣдуетъ упускать изъ виду, но въ данномъ случаѣ насъ интересуетъ общій уровень благосостоянія массъ. Прибѣгнемъ къ сравненію этого уровня до и послѣ освобожденія.—Куда дѣвались раскрытые, развалившіеся задворки и избы? Избы пошли на задворки, а на мѣстѣ развалившихся коптелокъ стоятъ новыя, отлично крытыя избы,—нерѣдко съ трубами. Пригласите сотню другую крестьянскихъ подводъ насыпать хлѣбъ и потрудитесь взглянуть на лошадей и упряжъ. Есть ли у васъ на дворѣ хоть одна рабочая лошадь въ такомъ видѣ и тѣлѣ? И быть не можетъ. Ваша лошадь зимуетъ дома на соломѣ, а вы даете крестьянину возможность кормить свою овсомъ. Кажется очень нерасчетливо. Почему бы не дать своей корму и не возить своими рабочими хлѣба? Попробуйте, коли есть охота остаться безъ лошадей и безъ упряжи. Тогда узнаете, гдѣ трудъ спорѣй: въ рукахъ хозяина или придуманной корпораціи. До освобожденія *побираться*, было, зимою, для многихъ селеній нормальнымъ обычаемъ. Бывало слышишь: вонъ Подбѣлевскіе или Хализевскіе или Ядренскіе ужь наладили побираться. Теперь, какъ рѣдкое исключеніе, ходятъ погорѣлые, да по-

тѣхи набираютъ невѣроятные возы зерноваго и печенаго хлѣба.

Въ неурожай 67 года мучительно перебивались, но не побирались. Вышло изъ обычая. До освобожденія верхнюю одежду мужиковъ и бабъ составляли кафтанъ или *зипунъ*. Первый гладкій, второй со складками и нашивками назади изъ шерстянаго шнура. Кромѣ того во всякомъ дворѣ былъ общій полушубокъ, попадавшій на плеча выходившаго на долго на морозъ. Тулупъ былъ вещью неизвѣстной. Теперь не только у мужика, у всякой бабы свой полушубокъ — большею частью дубленый. У одной трети крестьянъ тулупы. Всюду появились сапоги. Вмѣсто прежней пакли, во время извозовъ, на шеѣ вощиковъ ситцевой или шерстяной платокъ, а не то шарфъ. На ярмаркахъ—ни одной кички и замашной рубахи,—все ситцевые платки и рубашки. Куда дѣвался, замѣченный французскимъ путешественникомъ, особый родъ безрукихъ дѣтей? Улицы въ деревняхъ кишатъ салазками и леднями, на которыхъ сидятъ не безрукіе, а одѣтые и обутые дѣти. Мы бы долго могли проводить нашу параллель и прибавить, что розданный нами въ 67 году вспомогательный капиталъ нуждающимся, въ нынѣшнемъ, не смотря на упадокъ цѣны на хлѣбъ—почти весь съ процентами и благодарностью возвращенъ крестьянами и при сборѣ его не продано изъ ихъ имущества ни одной курицы. На чемъ же основаны возгласы, будто благосостояніе крестьянъ упало съ освобожденія? Этаго быть не могло и на дѣлѣ, слава Богу — нѣтъ.

II.

Намъ приходится разсмотрѣть капитальнѣйшее явленіе современной жизни, которымъ и други и недруги тычутъ въ глаза Россіи—пьянство. Для уясненія дѣла позволимъ себѣ нѣкоторыя предварительныя соображенія.

Одинъ замѣчательный человѣкъ, говоря о бѣдности, сказалъ: „Я не слушаю жалобъ горожанина на бѣдность. Горожанинъ говоритъ, что калиграфія плохо его обезпечиваетъ. Горожанка го-

воритъ, что стенографія въ окружномъ судѣ не даетъ ей средствъ на билетъ въ театръ, на извощика, на чтеніе книгъ. Все это кажется имъ необходимымъ, а въ сущности не нужно. Каллиграфу необходимо являться на уроки въ тонкомъ платьѣ, женщинѣ-стенографу въ Окружн. Судъ надо являться въ шелковомъ. Ступай въ деревню, въ избу и будешь за 25 рублей въ годъ, отопленъ, освѣщенъ, одѣтъ и накормленъ".—Возражать противъ такого приговора нечего, можно только смягчить его необходимыми объясненіями.—Дѣйствительно, крайне необходимое, изъ котораго поступиться нельзя, для существованія человѣка, къ счастію — весьма не дорого. Такое необходимое будетъ наименьшей собственностью, въ противоположность наибольшей, т. е. обладанію всѣмъ шаромъ земнымъ, за предѣлами котораго собственность немыслима. Только эти двѣ крайнія точки восходящей линіи богатства опредѣленно неподвижны и объективны, тогда какъ всѣ милліоны промежуточныхъ, подлежа внутренней оцѣнкѣ, стоящаго на каждой, субъекта, вполнѣ относительны и субъективны. Въ строгомъ смыслѣ, даже исходная нижняя точка не вполнѣ опредѣленна, такъ какъ количество крайне необходимаго далеко не одно и тоже у русскаго и у китайскаго или индѣйскаго рабочаго.

Очевидно, что на всѣхъ промежуточныхъ точкахъ чувство довольства и недовольства, достаточности или бѣдности зависитъ отъ требовательности отдѣльнаго лица,—отъ горизонта его истинныхъ и мнимыхъ потребностей, оцѣнка которыхъ, практическій ихъ регуляторъ, въ самомъ лицѣ. Практическая оцѣнка этихъ потребностей лицомъ постороннимъ равняется посягательству на чужую свободу и возможна только при отношеніяхъ властелина къ безправному: отца къ несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ, господина къ рабу. Недовольство собственнымъ экономическимъ положеніемъ, присущее людямъ, ведетъ къ желанію его улучшенія, т. е. къ накопленію капитала. Для достиженія этой цѣли необходимо двоякое напряженіе: нужно, *во первыхъ*, поровняться производительностью съ лицомъ, коего положеніе васъ искушаетъ, а *во вторыхъ*, необходимо, при увеличенной производительности, оставаться на первобыт-

ной точкѣ потребленія, а еще лучше спуститься въ этомъ отношеніи до крайне возможнаго предѣла. Человѣкъ, удовлетворяющій возникающимъ потребностямъ, по мѣрѣ возрастающихъ средствъ, ничего не наживетъ и при первой неудачѣ почувствуетъ лишенія. —Дать человѣку возможность развитіемъ скрытыхъ въ немъ силъ къ высшаго рода дѣятельности, достигнуть соотвѣтственнаго ей благосостоянія—экономически и нравственно хорошо. Но схватить человѣка сомнительныхъ способностей съ низменной ступени благосостоянія и потребностей и развить въ немъ потребности высшей среды, ничѣмъ не обезпечивъ ихъ удовлетворенія,—экономическая и нравственная ошибка. Только та личная потребность вполнѣ законна, на которую у потребителя есть средства. Удерживать желанія на уровнѣ матерьяльныхъ средствъ и даже спускать ихъ ниже этого уровня, можно только при внутренней борьбѣ съ ежеминутными соблазнами, съ помощію извѣстныхъ соображеній. Это весьма трудно. Тогда какъ страдательно отдаваться внѣшнимъ побужденіямъ (стимуламъ) легко и пріятно. Поэтому, по крайней мѣрѣ у насъ, люди, живущіе по средствамъ, составляютъ меньшинство, а живущіе сверхъ состоянія—большинство. Въ экономическомъ отношеніи человѣкъ, легкомысленно расбрасывающій избытокъ дохода, въ видѣ-ли предметовъ тщеславія или страсти, воочію доказываетъ, что этотъ избытокъ ему не нуженъ (а кому объ этомъ судить какъ не ему самому?). Расточительное побужденіе его можно сравнить съ вентиляторомъ зерносушилки, выбрасывающимъ изо ржи излишнюю влагу. Присутствіе такого вентилятора надъ карманомъ можно разсматривать съ разныхъ, даже противуположныхъ точекъ зрѣнія, напр. съ нравственной и экономической.

Съ первой, такой вентиляторъ плохая рекомендація, ибо свидѣтельствуетъ о недостаткѣ сообразительности или самообладанія, если вентиляція происходитъ по легкомыслію и тщеславію. Если-же вентиляторомъ является предосудительная страсть,—порокъ,—то дѣло, съ нравственной стороны, еще ухудшается. Съ экономической точки зрѣнія вентиляція не только необходимое зло, но положительное благо. Вы не согласитесь, унизавъ пальцы солитерами, въ-

дить по Подновинскому, въ неслыханномъ экипажѣ, съ дамой, разряженной въ пухъ, перья и брилліанты и благодарите моду, удерживающую людей въ границахъ однообразія и благообразія. Вамъ такая дама кажется невозможной, а тысячи ремесленниковъ, трудившихся надъ ея выѣздомъ, не безъ основанія, считаютъ ее благодѣтельницей. Безъ такихъ, часто неблаговидныхъ благодѣтелей, никакое развитіе промысловъ и искусствъ невозможно. Если всѣ откажутся отъ дорогихъ рыбъ, что станутъ дѣлать рыбаки? Если бы мода не гнала людей въ концерты и картинныя галереи, что сталось бы съ музыкой и живописью. Съ моральной точки зрѣнія непохвально, что люди изъ тщеславія облыгаютъ себя знатоками. Но съ экономической — давай Богъ побольше тщеславія и денегъ. Гдѣ ежедневно набирать тысячи знатоковъ? Всякая страсть, неумѣряемая разсудкомъ, вредно дѣйствуетъ на одержимое ею лицо. Но и въ нравственномъ смыслѣ, она только тогда заслуживаетъ запрещенія и наказанія, когда нарушаетъ чужія права, т. е. совершаетъ неправо. Гарпагонъ очевидный воръ „но онъ воруетъ собственный овесъ у собственныхъ лошадей и никому до этого нѣтъ дѣла“, кромѣ какого нибудь общества покровительства животнымъ, да и то едвали успѣшно повело бы противъ него обвиненіе. Онъ могъ не воровать овса, а поучась у русскихъ хозяевъ, кормить лошадей одной соломой. У каждой экономической единицы есть и долженъ быть вентиляторъ. Безъ этого нѣтъ народнаго хозяйства. Аскеты — исключеніе, надъ которымъ останавливаться нельзя, а съ экономической точки зрѣнія все равно изъ какого матерьяла вентиляторъ, красивъ онъ или уродливъ, дѣло въ томъ, въ какой мѣрѣ онъ исполняетъ свое назначеніе.

Крестьянинъ почерпнулъ свой бытъ не изъ академій, трактатовъ и теорій, а изъ тысячелѣтней практики и потому бытъ его является такимъ органическимъ цѣлымъ, стройности и цѣлесообразности котораго можетъ позавидовать любое учрежденіе. Въ исправномъ крестьянскомъ хозяйствѣ всѣхъ предметовъ какъ разъ столько, сколько необходимо для поддержки хозяйства; ни болѣе, ни менѣе. При меньшемъ ихъ количествѣ пришлось бы нуждаться,

а при большемъ одному хозяину-труженику за ними неусмотрѣть. Кромѣ строеваго лѣса, пріобрѣтеннаго единовременно и немногихъ кусковъ желѣза, все свое — домашнее. Не глумиться надо надъ крестьяниномъ, а учиться у него. Начиная съ одежды и кончая рабочими орудіями, попробуйте измѣнить что либо въ средѣ той непогоды и бездорожицы, въ которой крестьянинъ вѣчно вращается и пуститесь лично съ нимъ конкурировать, тогда скоро поймете значеніе сѣрмяги, дуги, черезсѣдельня и т. д. Сломите среди степи вашъ желѣзный плугъ и поѣзжайте за новымъ къ Бутенопу. Время сѣва прошло, а крестьянинъ самъ перемѣнилъ дома сломанную часть сохи и опять пашетъ. Онъ твердо помнитъ пословицу: „Чего маленько, того кроши меленько“ а вы хоть и помните ее, да руки-то крошатъ не ваши и выходитъ разница какъ небо отъ земли. У крестьянина ни мѣста, ни лишняго корму для птицы нѣтъ, а у васъ все это есть и потому-то у васъ нѣтъ птицы и вы ее покупаете у бабъ. Если же вы настойчиво рѣшитесь конкурировать съ бабами, то хоть потрудитесь счесть, во что вамъ обошлась конкуренція. Выкормленная дома свинина не можетъ обойтись менѣе 4 руб. за пудъ, а въ Орлѣ, нынѣшней зимой, на базарѣ она была дешевле 2 р. 50 к. Безъ пророчества, можно предсказать, что вы никогда не поровняетесь производительностью съ крестьянскимъ хозяйствомъ уже на одномъ основаніи стиховъ Кольцова, въ которыхъ пахарь говоритъ сивкѣ:

„Мы самъ другъ, съ тобою,
Слуга и хозяинъ“.

Еще менѣе можно равняться съ крестьяниномъ въ искуствѣ уменьшать кругъ потребностей. Естественное, такъ сказать почвенное его положеніе таково, что съ одной стороны не требуетъ особенныхъ усилій удерживаться на данномъ уровнѣ, а съ другой нисколько не благопріятствуетъ тѣмъ затѣямъ, какими одержимъ человѣкъ, шагнувшій черезъ завѣтный кругъ крестьянства. Предметы соблазняющіе васъ на каждомъ шагу, ему, для личнаго употребленія, даромъ не нужны. Крестьянинъ заведшій часы и цѣпочку уже переставъ быть крестьяниномъ. Онъ долженъ надѣть

жилетъ, безъ котораго часовъ положить некуда. Сказанное подтверждается тѣмъ, что до сихъ поръ, крестьянинъ-пахарь, умѣющій удержать лишнюю копѣйку, если не купитъ земли, вкленваетъ деньги въ дугу или зарываетъ подъ печку. Что въ болѣе искусственной средѣ, побужденія мнимыхъ потребностей громадны, не требуетъ доказательствъ. Сколько жертвъ непосильной работы, сколько мошенничества и казнокрадства, изъ за какихъ нибудь женскихъ нарядовъ и т. п. предметовъ тщеславія. Неужели эти образованные, умственные труженики, не могутъ растолковать своимъ развитымъ женамъ, что надрываться надъ работой или красть изъ за модной шляпки или кареты — не стоитъ? Видно не могутъ — коли весь трагизмъ жизни нашего развитаго общества почти не знаетъ другой завязки.

Подобныхъ побужденій къ обогащенію для крестьянина не существуетъ, да и врядъ ли можно пожелать ему развитія въ этомъ смыслѣ. Между тѣмъ, у крестьянина свой вентиляторъ — *водка*. Говорите, что хотите о *привлекательномъ трудѣ* (travail attractif) трудиться, подобно русскому крестьянину, — не легко и неудивительно, что онъ предпочитаетъ ограничить свои потребности до крайности — тяжелой работѣ, хотя случаи къ заработкамъ сами ищутъ его на каждомъ шагу. Приводимъ мелкій, но характеристическій примѣръ. Прошлое лѣто травы было вдоволь. Ко времени уборки пошли дожди, а когда распогодилось, всѣ бросились на покосъ, въ томъ числѣ и мы. — Бѣги въ Глѣбово за народомъ. — Говорятъ: „свое убираемъ, ни за деньги, ни за водку не пойдемъ“. Ступай къ обществу работающему у насъ отъ десятины и скажи: въ нынѣшнемъ году имъ трудно будетъ своевременно свозить весь хлѣбъ. Пусть придутъ покосить, а мы на это мѣсто дадимъ имъ своихъ подводъ. Пусть нашъ конный рабочій пойдетъ за ихъ пѣшаго. — Говорятъ: „некогда“. Чтожъ они дѣлаютъ? Все общество у цѣловальника за водку убираютъ покосъ. Не столько работаютъ, сколько пьютъ. — Такъ и провалялись 2 недѣли. Что дѣлать? — Давай своимъ рабочимъ ежедневную порцію, чтобы постарались. Дѣйствительно, 10 рабо-

чихъ, при помощи 4 поденьщицъ, скосили, сгребли конными граблями и свезли съ 50 десятинъ до 5000 пудовъ сѣна. — Ясно, что тутъ одной былинки лишней убрать некѣмъ. Между тѣмъ, въ молодомъ саду тимоѳѣевка по поясъ, а высокая и буйная трава въ молодомъ березникѣ начинаетъ путаться и садиться. — Что, братъ, Александръ! пропадаетъ пудовъ 300 сѣна даромъ — говоримъ мы садовнику. — „То-то ужь и я смотрю“ — отвѣчаетъ Александръ, — „пропадаетъ экое добро! А что осмѣлюсь вашей милости доложить, пожертвуйте мнѣ покосъ въ березникѣ, а я разстараюсь — уберу вамъ тимошку. Всего дѣловъ-то дня на 4 будетъ“. Сдѣлай милость убирай, только сначала убери тимошку, а тамъ коси березникъ. „Знамо дѣло, надо наперво ваше добро убрать“. Александръ, бывшій дворовый изъ крестьянъ и потому на его надѣлѣ хозяйничаетъ сынъ его. На другой день явились: сынъ его, жена, дочь и невѣстка, и черезъ 4 дня, тимоѳей былъ уже на сѣновалѣ, а еще черезъ 3 дня на садовой луговинѣ вознеслась, почтенныхъ размѣровъ, копна отличнаго сѣна. — „Ужь это позвольте до зимы тутъ оставить. Куда съ нимъ теперь ломаться? По снѣжку подыму“.

Въ началѣ декабря, по первому санному пути является, зимующій дома, Александръ съ сыномъ и 4-мя подводами и увозитъ до 100 пудовъ сѣна, т. е. на худой конецъ на 20 рублей. А что оно ему стоитъ? Малый и бабы такъ бы проболтались недѣлю, своего покоса нѣтъ; а жалованье какъ садовникъ, онъ за это время, въ свою очередь, получилъ. Черезъ недѣлю по увозѣ сѣна, является Александръ цвѣты поливать. — Ну что, хорошо сѣно? — „Слава Богу, покорнѣйше благодаримъ.“ — Это хорошо, что ты свою скотину не забываешь, а вотъ, что ты самъ садовникъ, да уѣхавши съ сѣномъ, бросилъ настежъ садовыя ворота — это стыдно. Я посылалъ за тобою затворять. „Виноватъ,— такъ, это я маленько промахнулся“.

— Отецъ Василій! спрашивали мы, первое время послѣ освобожденія, священника: какъ это вы убираетесь? У васъ таки порядочный просѣвецъ.

—„Но вѣдь и семейство большое. Чего одна семинарія стоитъ. Нынче требуютъ образованія. Убираемъ болѣе праздниками,— за водку. Сначала насъ коробило сопоставленіе священника, праздниковъ и водки. Но задавшись вопросомъ: что ему дѣлать? За деньги и въ будни непойдутъ. Всѣ руки за годъ и даже за два впередъ разобраны по письменнымъ условіямъ. Не найдя на такой вопросъ отвѣта, мы перестали смущаться. Неработать въ праздники, въ горячее время уборки, когда отъ одного дня зависитъ существованіе на цѣлый годъ — въ безрукой странѣ, по малой мѣрѣ, безуміе. „Господь сказалъ ему въ отвѣтъ: лицемѣръ! не отвязываетъ ли каждый изъ васъ въ субботу вола своего или осла отъ яслей и неведесъ ли поить? Луки XIII ст. 15“.

Въ подтвержденіе словъ нашихъ о достаточности, по крайней мѣрѣ въ нашей мѣстности, крестьянскаго надѣла на необходимо нужное и о нежеланіи крестьянъ искать постороннихъ заработковъ, укажемъ на Марьинское общество. Надѣлъ этого общества ни чѣмъ не отличается отъ другихъ надѣловъ, а между тѣмъ Марьинскіе крестьяне, въ продолженіи 2 послѣднихъ лѣтъ, съ прекращенія обязательной работы, никуда нейдутъ на заработки и свои поля воздѣлываютъ кое-какъ. А недоимокъ или воровства за ними не слыхать. Между тѣмъ, присущій человѣку винтиляторъ дѣйствуетъ неустанно, какъ дѣйствуютъ легкія, сердце и т. д. и если излишняя влага продолжаетъ брызгать въ одинаковой и даже возрастающей пропорціи, — можно безошибочно сказать, что рожь насыщена въ избыткѣ. О количествѣ излишней влаги можно судить по предположенію акцизнаго сбора на 1871 годъ, доходящему до 150-ти милліоновъ. Для полученія такой суммы необходимо, чтобы вино выпивалось на двойную сумму, если принять во вниманіе всю процедуру, какой подвергается рожь, до поступленія въ видѣ водки въ желудокъ потребителя.

„Salus publica prima lex esto“. Нечего глубокомысленно останавливаться надъ вопросами: нужно ли войско и флотъ, нужно ли, чтобы государство, исключительно земледѣльческое пахало и сбывало хлѣбъ? также малозатруднителенъ вопросъ: можетъ ли госу-

дарство, желающее развитія земледѣлія и вынужденное прибѣгать къ возрастающимъ налогамъ, превратить громадный, безнедоимочный и косвенный налогъ въ прямой, котораго оно никакими усиліями не соберетъ?

Въ заключеніе представимъ себѣ слѣдующую, невозможную картину. По раздолью плодоносныхъ степей раскиданы одинокія селенія, которыхъ жители, довольные произведеніемъ собственныхъ, нивъ, нежелаютъ прикладывать рукъ къ промежуточнымъ полямъ, остающимся невоздѣланными. Ни путей сообщенія, ни торговли нѣтъ, потому что производительность равна съ потребленіемъ. Между тѣмъ, за границами этихъ степей, живутъ люди, сплошь покрывающіе свои, какъ огородъ воздѣланныя, земли; люди, занятые передѣлкой сырыхъ матерьяловъ на дорогіе товары и тутъ же, на мѣстѣ, вырывающіе, за большія деньги, хлѣбъ изъ рукъ у своихъ земледѣльцевъ. Люди эти сильны капиталами и выше всего въ мірѣ цѣнятъ хлѣбородную землю. Представимъ себѣ степную страну баснословнымъ королевствомъ II части Фауста. Бывшій докторъ призываетъ Мефистофеля и говоритъ: намъ нужны деньги, въ размѣрѣ 150 милліоновъ въ годъ. Другими словами, намъ нужно убѣдить поселянъ, чтобы они, хотя это имъ и не нужно, ревностно принялись за страшный трудъ воздѣлыванія всѣхъ полей сплошь. Что касается до будущаго громаднаго урожая, то я заранѣе распредѣлилъ его. Часть пойдетъ на продовольствіе городовъ и войскъ, а часть за границу. Но вотъ бѣда, по разсчету придется до 100 мил. четвертей покупать безъ надобности и истреблять. Безъ этого предложеніе превыситъ требованіе и цѣны на хлѣбъ упадутъ.

Но кому покупать такую массу ненужнаго хлѣба и кромѣ того, откуда намъ то взять 150 мил.? Вопросъ сводится къ слѣдующему: нельзя ли убѣдить крестьянъ, чтобы они, за хорошую плату, шли обработывать земли частныхъ владѣльцевъ, а по окончаніи уборки покупали бы у насъ, на свои заработки, на 300 милліоновъ ржи и сжигали бы эту рожь до тла, такъ какъ ѣсть ее некому. 150 мил. мы бы возвращали частнымъ лицамъ, для новыхъ наймовъ, а 150 оставалось бы намъ. Нѣтъ сомнѣнія,

что при помощи нагляднаго опыта, и Мефистофель и Эдипъ произнесли бы всемогущее слово: *дешевка*. Этотъ вентиляторъ хоть какое количество излишней влаги вытащитъ изъ кармана.

Вспомните рабочаго сибирскихъ золотыхъ пріисковъ. Какихъ еще надо заработковъ? Но все это до перваго кабака. Выпилъ и пошелъ все бить да рвать, да еще кричитъ: „Подстилай мнѣ подъ ноги кумачу, а то идти не хочу". А наши охотники-рекруты, за которыми хозяинъ ѣздитъ, да расплачивается за битую посуду?....

Мы уже слышимъ восклицанія: „Вы хотите покровительства пьянству". На это можно отвѣтить: Понимать, что осеннее ненастье, портящее одежду, дороги и здоровье, необходимо для озимей, еще не значитъ любить мокнуть, или что еще нелѣпѣй: *покровительствовать ненастью*. Пора догадаться, что квартетъ *деретъ* не потому, что музыканты разсажены не въ должномъ порядкѣ, что усталому, одинокому человѣку, завязнувшему въ болотѣ, одно средство изъ него выбраться, отдохнуть и собраться съ силами, и что въ цѣломъ мірѣ, только герой *не любо не слушай* съумѣлъ помочь бѣдѣ, вытащивъ себя за волосы изъ трясины.

Признавая въ *водкѣ* одного изъ капитальнѣйшихъ факторовъ современнаго народнаго хозяйства, невольно спрашиваешь: неужели не сыщется ему болѣе достойнаго конкуррента, хотя бы въ отдаленномъ будущемъ? Какъ не быть? Если вамъ ненравится прежній полицейскій надзоръ крѣпостнаго права, раздѣлите 100 мил. четвертей ржи, стоимостью на 300 милл. на годовые пайки на человѣка и вы получите потребное число ртовъ; для поглощенія этого количества въ видѣ пищи, — равняющееся 50 милліонамъ. Прибавьте къ настоящему населенію страны 50 милліоновъ рабочихъ и все придетъ въ нормальныя отношенія и строгая нужда прогонитъ легкомысленный разгулъ *). Жизнь потому только жизнь, что постоянно борется со смертью. Борьба эта далеко нешуточная и ведется со всѣмъ напряженіемъ и даже ожесточеніемъ. Въ народномъ

*) Мы нисколько не выдаемъ приведеннаго разсчета за математически точный. Для насъ важно указать, что Ахилесова пята не на правой ногѣ, какъ думаетъ большинство, а на лѣвой.

хозяйствѣ также мало мѣста идилліи какъ и въ народной войнѣ. Необходимо, чтобы эти 50 мил. явились въ самой странѣ конкуррентами труда. Одинъ вывозъ за границу, потребляемаго ими количества хлѣба, поможетъ дѣлу только отчасти. Не указывайте прямо на землю, какъ на источникъ богатства. Земля безъ рукъ — мертвецъ. И въ этомъ отношеніи опытъ послѣдняго 10-лѣтія не пропалъ даромъ. Въ первые дни освобожденія, незная, какъ сложится дѣло, увлекаясь теоріями и избѣгая непріятныхъ столкновеній съ крестьянскими обществами, покупатели платили за земли дороже по мѣрѣ ихъ отдаленія отъ селеній. Тратились громадныя деньги, чтобы сбыть крестьянскія селенія какъ можно далѣе отъ усадьбы. Теперь стало на оборотъ. Чѣмъ ближе земля къ селеніямъ — тѣмъ она дороже.

Пойдемъ далѣе въ нашей искренности. Вопреки кажущимся явленіямъ, мы рѣшаемся утверждать, что пьянство нисколько не составляетъ отличительной черты нашего крестьянина. Пьяница, какъ и постоянный употребитель опіума, больной человѣкъ, котораго воля безаппеляціонно подчинена потребности наркотическаго. Типъ такихъ людей преобладаетъ въ чиновничьемъ мірѣ у Иверской, между московскими нищими и затѣмъ разсѣянъ по лицу русской земли, безъ различія сословій. Сущность этого типа вѣрно намѣчена въ пословицѣ: „какъ не бьется, а къ вечеру все напьется“. Такой субъектъ не можетъ имѣть собственности, по отношенію къ которой онъ отрицатель. Своя и чужая для него только средство — напиться. Поэтому онъ зимой раздѣтъ, у жены тащитъ послѣднюю копѣйку, у сосѣда, плохо лежащій, шворень. Очевидно, что крестьянинъ-собственникъ, по своему положенію, неподходитъ подъ этотъ типъ, хотя, быть можетъ и подходитъ подъ типъ человѣка (*Руси веселіе пити*), готоваго на всѣхъ ступеняхъ развитія, съ какимъ то благоговѣніемъ, относиться къ богатырскому выпиванію чары въ *полтретья* ведра и придирающагося ко всякому случаю поѣсть и выпить. Иностранцы открываютъ общества, школы, желѣзныя дороги, справляютъ крестины, свадьбы и похороны, — плачутъ и танцуютъ въ проголодь. Сѣверный русакъ ничего этого не дѣлаетъ,

чтобы не выпить и не закусить. Даже воспоминаніе объ историческомъ событіи или просто о родителяхъ у него тожественно, если не съ обѣдами и выпивкой, то хоть съ блинами и выпивкой. Очень развитый русскій разсказывалъ намъ, какъ они вдвоемъ съ покойнымъ Герценомъ всю ночь просидѣли у Тортони, во время декабрьскаго погрома (coup d'état) Съ вечера Герценъ спросилъ двойную бутылку коньяку, къ которой собесѣдникъ его не прикасался. Герценъ говорилъ съ увлеченіемъ разочарованія. Къ утру, заключилъ разказчикъ, Герценъ всталъ, выпивъ весь коньякъ маленькими рюмочками и ушелъ *ни въ одномъ глазъ.* Покойнаго Герцена можно упрекать въ чемъ угодно, только не въ неразвитости или пьянствѣ. Какой молодой человѣкъ, въ свою очередь, не увлекался славой выпиванія полтретья ведра? Конечно, хвастаться тутъ нечѣмъ, но можно ли эту категорію людей назвать пьяницами, не смѣшивая двухъ, только повидимому, однородныхъ явленій?

Въ нашемъ личномъ хозяйствѣ съ пастухомъ и конюхами до 14 человѣкъ рабочихъ. Только во время усиленной косьбы, утомленная ихъ природа требуетъ водки и имъ даютъ по хорошему стакану. Иногда косцы и сами просятъ. Но въ остальное время года работники объ ней не думаютъ и не заикнутся. На свои, въ будни, пить не начто, потому что жалованье, большею частью забираютъ ихъ домашніе. Но подходитъ праздникъ престольный и Гаврику очередь идти домой. „Пожалуйте денегъ". Сколько тебѣ? „Рублей 5". Зачѣмъ ты это дѣлаешь? Вѣдь черезъ недѣлю или черезъ мѣсяцъ занадобятся деньги въ семьѣ — и близко будетъ локоть, да не укусишь. Гаврикъ смотритъ оловяннымъ взглядомъ недоумѣнія. Пять ли, десять ли возмешь на праздникъ, — все равно прогуляешь. Не дамъ больше рубля — спасибо скажешь. „Ну чтожь, говоритъ Гаврикъ, чувствуя, что не совладаетъ съ вентиляторомъ, пожалуйте хоть рубликъ". Какіе же это пьяницы? Это дѣти, за стаканомъ вина забывающіе цѣну вещамъ. Тратя непроизводительно 60—80 рублей на свадьбу, крестьянинъ забываетъ, что въ прошломъ мѣсяцѣ его бабы бѣгали по дворамъ занять соль-

цы, которой на 3 рубля ему хватитъ на круглый годъ—на весь домъ. Мы не хотимъ сказать, чтобы между крестьянами не было пьяницъ, въ полномъ смыслѣ слова; но не думаемъ, чтобы сравнительное большинство такихъ экземпляровъ выпадало на долю крестьянства, поставленнаго положеніемъ собственника, въ неблагопріятныя для беззавѣтнаго пьянства условія. Намъ приходилось не разъ спрашивать у городскихъ извощиковъ: почему, въ праздники весь народъ выпивши, а между извощиками пьяныхъ незамѣтно? И каждый разъ получали въ отвѣтъ, что извощику напиваться нельзя — лошадь угонятъ. Беззавѣтное пьянство удѣлъ пролетаріата, которому, у насъ, не о чемъ думать. Сытъ и пьянъ онъ всегда будетъ, а остальное ему не нужно. Сюда относится громадное большинство бывшихъ дворовыхъ: домашней прислуги и мастеровыхъ, созданныхъ покойнымъ крѣпостнымъ правомъ, безъ котораго не было бы всѣхъ этихъ необходимыхъ личностей. Что нужда повсюду являлась истиннымъ источникомъ труда, извѣстно не со вчерашняго дня. Посмотрите, съ какой неотразимой логикой *Бѣдность* въ комедіи Аристофана *Богатство* выставляетъ себя возбудительницей производительныхъ силъ, матерью всѣхъ искусствъ и ремеслъ. На основаніи этихъ вѣчныхъ законовъ можно бы ожидать, по крайней мѣрѣ, отъ нашего пролетаріата большаго рвенія къ труду и большаго самообладанія. Но примѣняя общіе законы, къ нашему быту, не должно забывать, что наше историческое развитіе поставило насъ, до поры до времени, въ противоположное съ другими образованными сторонами экономическое положеніе. Тамъ работъ нѣтъ, здѣсь рукъ нѣтъ. „Какъ! — восклицаетъ сосѣдъ вашъ, — Сидоръ, котораго я прогналъ за пьянство, у васъ? Помилуйте, да вѣдь его невозможно держать!“ Право? отвѣчаете вы,— жаль, что я этого не зналъ. А у меня онъ ведетъ себя сносно. „Какъ! продолжаетъ сосѣдъ, да онъ сейчасъ съ вами говорилъ пьяный“. „А я признаться не замѣтилъ, отвѣчаете вы“. Черезъ мѣсяцъ незамѣчать уже невозможно, вы отказываете Сидору и можете, въ свою очередь, ѣхать удивляться къ сосѣду, который тоже въ надеждѣ на исправленіе Сидора, уже успѣлъ нанять его.

Не стоило бы говорить о пьянствѣ и его экономическомъ значеніи, когда бы со всѣхъ сторонъ не раздавались, если не лицемѣрные, то по крайней мѣрѣ безплодные возгласы противъ этого явленія. Принимая въ расчетъ все количество крѣпкихъ напитковъ, начиная съ виноградnаго вина и пива, мы не найдемъ, чтобы русскій человѣкъ, въ общей сложности, выпивалъ болѣе нѣмца или англичанина. Можно только упрекнуть его въ способѣ выпивать свою долю. Если всякій, настойчиво пьющій, постепенно превращается въ коня, льва и наконецъ въ свинью, то наши питухи, нерѣдко, съ такой быстротой проходятъ всѣ метаморфозы, что наблюдатель не замѣчаетъ двухъ первыхъ превращеній. Посмотрите на кучера, ссадившаго хозяина на чугунку и заѣхавшаго на обратномъ пути къ первому кабаку. Долго ли онъ тамъ пробылъ? Двѣ, три минуты. А въ какомъ онъ видѣ? О конѣ и львѣ и помину нѣтъ. Что же тутъ дѣлать? Нельзя же за всякимъ приставить няньку, которой извѣстна и его *душа мѣра* и экономическія средства. Кромѣ того надо же хоть каплю послѣдовательности. Вѣдь была нянька и довольно строгая. Она болѣе 200 лѣтъ своею палкою не давала пить и заставляла работать. Но она устарѣла, отставлена и даже умерла. А теперь — *любишь кататься, люби и саночки возить.* Кто же, искренно говоря, не желаетъ кататься? Государство ли не желаетъ громадныхъ милліоновъ? Народъ ли не желаетъ пить водку? Или частная промышленность желаетъ лишиться послѣднихъ рабочихъ рукъ? Въ виду двойственности воли, мы и тутъ готовы на уступку. Мы согласны допустить, что государство желало бы получать большіе милліоны, помимо акциза, крестьяне желаютъ осуществленія хохлацкаго элизія Энеиды Котляревскаго:

„Сидѣлы ручки поскладамши,
Для нихъ усе праздники були,
Люлки курилы полягамши,
Або горилочку пили
И не простую и не пинну,
А усе трехпробну, перегинну,
Настоянную на бадянъ".

А частная промышленность желала бы постоянно имѣть серьозныхъ, трезвыхъ и благонадежныхъ рабочихъ за вознагражденіе, соотвѣтственное рыночнымъ цѣнамъ продуктовъ. Всѣ отдѣльныя желанія чисты и прекрасны, а осуществите ихъ единовременно, какъ это бываетъ въ жизни, глядь — все помутилось и вышла сегоднишняя дѣйствительность. Вызженный камень холоденъ и вода холодна, а пришли въ соприкосновеніе — и закипѣли.

Считаемъ нашу мысль до того уясненной, что безъ преднамѣренія, она уже не можетъ быть превратно истолкована. Указавъ на органическое или лучше стихійное значеніе извѣстныхъ современныхъ явленій, мы ни на минуту не признавали ихъ нравственной красоты и ограничились вопросомъ другаго порядка, гамлетовскимъ *быть или не быть*. Развитіе страсти къ обогащенію, безъ труда не похвально и лотереи какъ азартная игра признаны противузаконными. Но когда дѣло касается вопроса: *быть или не быть дѣтскому пріюту*? найдутся моралисты, которые отвѣтятъ: *быть*, даже съ разрѣшеніемъ лотереи въ его пользу. Между тѣмъ въ вопросѣ о лотереѣ есть выборъ. Можно не допустить лотереи и не заводить пріюта; но, хотя бы и можно было желать промышленнаго застоя и народнаго банкротства, можно ли свободному человѣку воспретить пить? Запретите винокуреніе, хоть подъ смертной казнью, вы только распространите злоупотребленія и преступленія. Вспомните дорогую водку въ городахъ при дешевой въ окрестностяхъ. Что было?—Говорите о возвышеніи среды—мы со вниманіемъ станемъ васъ слушать. Среда, это: жилище, дороги, религія, судъ, исполнительная власть, рынокъ, словомъ все — и между прочимъ грамотность. Грамотность, какъ простая техника чтенія, вещь полезная и пригодная въ жизни, но видѣть въ ней какой-то амулетъ отъ порчи и безнравственности, мы просто non possumus. Сравнительное большинство безпросыпныхъ пьяницъ—заштатные чиновники, писаря и бывшіе дворовые, болѣе грамотные, чѣмъ крестьяне. Восклицать и только восклицать противъ стихійнаго явленія данной среды значитъ восклицать противъ всей ея органической совокупности. Кто находитъ это разумнымъ, пусть во-

склицаетъ. Если кто находитъ, что непьющій степнякъ виновенъ въ склонности архангельскаго жителя выпить и закусить, потому что иногда покупаетъ рябчиковъ и навагу — пусть находитъ. Говоря о пьянствѣ, какъ о стихійномъ злѣ, временно явившимся для искупленія большаго, мы далеки отъ мысли отстаивать его безнаказанность въ тѣхъ случаяхъ, когда оно изъ предѣловъ дозволенной свободы, врывается въ область чужой личности и собственности. Нашъ законъ не признаетъ опьяненія смягчающимъ обстоятельствомъ. Пей, коли есть охота, но разума не пропивай.

Сказанное относится къ органическому росту, коренныхъ условій котораго измѣнять человѣку не дано. За то человѣкъ, въ самомъ густомъ лѣсу можетъ пролагать тропинки, не трогая деревьевъ, а только, порой отклоняя и подвязывая мѣшающіе сучья. Человѣкъ можетъ достигать значительнаго улучшенія своего быта примѣненіемъ къ дѣлу вещей, неимѣющихъ цѣны—т. е. даромъ. Такъ поступаютъ фабриканты бумаги и вигони, превращая грязныя тряпки въ блестящій товаръ, такъ поступаетъ ключница, объявляя при оказіи въ городъ, что: *свѣчей нѣтъ*. Каждое изъ этихъ двухъ словъ, сказанныхъ своевременно равняется экономіи одного рубля. Что такой образъ дѣйствія примѣнимъ и въ общественномъ хозяйствѣ, пояснимъ примѣромъ. Въ нашей мѣстности мировыя учрежденія дѣйствуютъ 4-й годъ и на съѣздъ не поступило ни одной жалобы на медленность судопроизводства. Никто не жаловался на неполученіе повѣстокъ и заочныхъ рѣшеній. Кто же развозилъ всѣ эти тысячи конвертовъ? Мѣстное крестьянство? или почта на земскія деньги? Никто, или лучше сказать ни *то*, ни *другая*. Первый способъ былъ бы новымъ видомъ натуральной повинности, а второй болѣе чѣмъ удвоилъ бы расходы земства на мировыя учрежденія. Границы нашего участка, въ трехъ главныхъ направленіяхъ отстоятъ отъ судебной камеры верстъ на 30 и только въ 4-мъ—верстъ на 20. Принявъ во вниманіе уклоненія отъ главныхъ направленій, какія до цѣли назначенія долженъ совершить отдѣльный конвертъ, надо по каждому тракту держать не менѣе 3 верховыхъ, давая ихъ лошадямъ по 4 гарнца овса. Такимъ

образомъ каждый наемный верховой обойдется земству не менѣе 200 рублей, а 12 человѣкъ почтовыхъ, не менѣе 2400 рублей. Въ уѣздѣ 4 участка и потребовалось бы 9600 рублей расходу, сверхъ ассигнуемыхъ на содержаніе судей и ихъ канцелярій. Какъ же мы дѣлаемъ, чтобы и овцы были цѣлы и волки сыты? Говоримъ лично за себя. Мы подражаемъ ключницѣ, вовремя заботящейся о свѣчахъ. Никто болѣе истца не озабоченъ вѣрной и скорой доставкой повѣстки отвѣтчику. Въ большинствѣ случаевъ, сосѣдъ жалуется на сосѣда и кромѣ того всякій истецъ, если не сосѣдъ отвѣтчика, то чей нибудь сосѣдъ. На этомъ основаніи, каждый разъ, возникаетъ слѣдующій разговоръ. „Вамъ угодно это поскорѣе“. „Да, сдѣлайте милость“. „Если посылать черезъ волость или черезъ полицію, то надо назначить болѣе продолжительный срокъ, а если вы потрудитесь сами вручить конвертъ мѣстному сельскому старостѣ или соцкому, — можно назначить разбирательство на послѣзавтра, а вы или повѣренный вашъ представите второй экземпляръ повѣстки съ росписью въ полученіи перваго. „Очень радъ. Мнѣ все равно ѣхать мимо“. „Ужъ кстати потрудитесь передать старостѣ и этотъ пакетъ, по другому дѣлу“. „Съ великимъ удовольствіемъ“. Что *великое удовольствіе* истца нефраза, можно увидать изъ слѣдующаго сопоставленія. Граница Малоархангельскаго уѣзда отъ насъ примѣрно въ 20 верстахъ. Иски и обвиненія противъ сосѣдей не рѣдкость, въ случаѣ доставленія повѣстокъ истцами, дѣло можетъ быть рѣшено на другой, много на третій день, по заявленіи жалобы. Прослѣдимъ теперь оффиціальный путь повѣстки. Положимъ, что отъ судьи оно пройдетъ за 25 верстъ до становой квартиры одинъ день. У становаго, отправляющаго конверты разъ въ недѣлю съ соцкимъ во Миценское полицейское управленіе, повѣстка можетъ пролежать недѣлю. Соцкій провезетъ ее за 35 верстъ до городу день. При всей исправности чиновниковъ, она пролежитъ день въ управленіи и день въ почтовой конторѣ и затѣмъ проѣдетъ назадъ по чугункѣ въ Малоархангельскъ день. Итого 12 дней. Прибавьте такую же процессію по Малоархангельскому уѣзду, — получите 24 дня, да столько же для обрат-

наго слѣдованія 2-го экземпляра повѣстки, до полученія котораго нельзя приступать къ разбирательству. Выйдетъ 48 дней. Въ виду всего этого нельзя назначить разбирательства ранѣе 2 мѣсяцевъ. Какъ это удобно напр. при жалобѣ на уходъ рабочихъ во время хлѣбной уборки!

Мы убѣждены, что большую часть недосмотровъ, оказавшихся при быстротѣ водворенія самыхъ хорошихъ вещей, также легко устранить какою либо практической мѣрой, нерѣдко *нѣсколькими* словами. Мы напр., по поводу незначительныхъ кражъ, сомнѣваемся въ практической пользѣ тонко-юридическаго различія понятій: *со взломомъ, и безъ взлома*. Сомнѣваемся также, чтобы крестьянинъ съ достаточною ясностію понялъ, что жалоба его *о выпущенной бочкѣ масла, на 100 рублей*, такъ долго не разбиралось вслѣдствіе недоразумѣнія судьи, полагавшаго, что прорубить топоромъ бочку съ цѣлью добраться до масла—взломъ, тогда какъ это совсѣмъ не взломъ, *потому что бочка по отношенію къ содержимой жидкости,—только вмѣстилище, а не хранилище.*

III.

ВНѢ СЛУЖБЫ.

На дняхъ одинъ изъ мѣстныхъ дѣятелей, по окончаніи мироваго съѣзда любезно пригласилъ насъ, въ числѣ другихъ, къ себѣ на квартиру отобѣдать, справедливо замѣтивъ, что все лучше, чѣмъ въ гостинницѣ, посылающей за обѣдами въ рыночный трактиръ. Собралось человѣкъ 10, предсѣдатель управы познакомилъ насъ съ однимъ изъ земскихъ врачей словами: вотъ, докторъ, тотъ судья, который передалъ мнѣ, полученный вами рецептъ отъ сифилису, для испытанія на практикѣ. Дѣло въ томъ, что пишущій эти строки получилъ сочувственное письмо отъ незнакомаго ему лично, мироваго судьи чужой губерніи, по поводу статьи „Моск. Вѣд.“ о сифилисѣ. При письмѣ приложенъ былъ рецептъ, коего успѣшное дѣйствіе, при самыхъ неблагопріятныхъ для леченія усло-

віяхъ, свидѣтельствовалось судьей. Кромѣ того указывалось на 2-хъ евреевъ Могилевской губерніи, излечивающихъ эту болѣзнь съ особымъ мастерствомъ за 6 руб. платы съ человѣка. Въ рецептѣ главную роль играетъ сулема. Считая нравственной обязанностью оказывать помощь больнымъ, посильными средствами, мы, согласно прямому смыслу закона, не только не преслѣдуемъ въ участкѣ дѣятельность частныхъ благотворителей, но и сами никогда не отказываемъ въ клещевинномъ маслѣ, липовомъ цвѣтѣ, нашатырѣ, глазной примочкѣ и т. п. и могли бы, въ свою очередь представить списокъ людей, надъ которыми эти медикаменты производили чудеса. Но давать сулему, на собственный страхъ, мы не могли рѣшиться, а потому передали въ управу письмо и рецептъ почтеннаго судьи.—Ну что, докторъ? спросили мы новаго знакомца. Дѣлали вы опыты надъ рецептомъ?—„Нѣтъ, помилуйте!—тутъ сулема.“—Такъ что же?—„А ну какъ откроются меркуріальныя раны?“—Да вѣдь поэтому рецепту вылѣчивались сотни людей — и какъ знать: откроются раны или нѣтъ. Возьмите самого сильно страждущаго и испробуйте. — „Нѣтъ, помилуйте,— наука этого не допускаетъ.“ Итакъ лѣчить дорого, наука не имѣетъ средствъ, а прибѣгать къ дешевымъ лекарствамъ она не допускаетъ, а управа съ радостью заплатила бы еврею по 6 руб. за исцѣленіе больнаго *).

„Кстати, — замѣтилъ, вслушавшійся въ разговоръ хозяинъ,— нѣкоторые сомнѣваются въ точности вашихъ указаній насчетъ распространенія болѣзни. С. Бортное въ моемъ сосѣдствѣ и у меня въ экономіи тамошнихъ крестьянъ не принимаютъ на работу, изъ боязни заразы.

— А вотъ и инспекторъ народныхъ училищъ.—Позвольте познакомить васъ.“ — Очень радъ. — Инспекторъ сталъ указывать на странныя явленія нашего народнаго обученія.—Дѣйствительно странно. Вотъ хоть бы въ нашемъ участкѣ. Помѣщикъ пожертвовалъ

*) Намъ пріятно заявить, что въ настоящее время на это страшное зло обращено должное вниманіе и нынѣшнимъ лѣтомъ можно ожидать самыхъ утѣшительныхъ результатовъ.

на собственномъ дворѣ великолѣпное, каменное строеніе подъ школу и обезпечилъ существованіе школы.

Школа навѣрное пойдетъ хорошо, а тутъ же рядомъ, волостная школа существуетъ только по имени въ лицѣ одного учителя. Въ другой волости крестьяне безропотно платятъ жалованье офиціальному учителю, а дѣтей учатъ у себя по домамъ черезъ вольнонаемныхъ учителей, отставныхъ солдатъ и т. п., а въ волостную школу дѣтей не посылаютъ.

Въ иныхъ учитель получаетъ жалованье, но за неимѣніемъ учениковъ, исполняетъ должность волостнаго писаря, за 50 верстъ, въ чужой волости. Если гдѣ и загопятъ на зиму учениковъ въ школу, то не научась азбукѣ, они считаютъ себя отбывшими службу и ихъ на слѣдующую зиму ни чѣмъ не заманишь. „Нѣтъ, господа! воскликнулъ инспекторъ все зависитъ отъ учителей. Они не умѣютъ заохотить мальчика.“ Слѣдовали доказательства и примѣры.

„Надо устроить учительскія школы, приготовить учителей, тогда все пойдетъ иначе.“—Позвольте, замѣтилъ одинъ изъ собесѣдниковъ, вкратцѣ доложить о судьбѣ нашей земской попытки приняться за школы.—Одинъ изъ гласныхъ объяснилъ собранію, что всякое начинаніе и даже значительная затрата окажутся безплодными, пока образованный человѣкъ не возьметъ подъ свое личное попечительство мѣстной школы и не приложитъ къ этому новому дѣлу знанія и усердія. Мысль признана основательной и въ минуту всѣ школы были разобраны усердствующими лицами за себя и за женъ своихъ. Ожидали чуть не дворцовъ и рѣзной мебели для школъ, вслѣдствіе частнаго соревнованія, но такой проектъ оказался не соотвѣтствующимъ законоположенію о народныхъ школахъ,—и вышло: *шла кума пъша.*

„Да, замѣтилъ оффиціальный оппонентъ,—правительство не можетъ отдать въ руки частныхъ лицъ безконтрольное управленіе такой важной статьи, какъ народное воспитаніе.“ — Что же оно дѣлаетъ другое, предоставляя каждому родителю воспитаніе дѣтей? —„Но вѣдь вы не родитель школы? — Извините, родитель; если я призову къ жизни не существующую школу — я ея ро-

дитель и она будетъ мнѣ дорога какъ дѣтище. Неудачный антецедентъ столичныхъ воскресныхъ школъ много повредилъ дѣлу. Но хвалясь современной реальностью взглядовъ, мы постоянно забываемъ главнаго фактора — среду. Земство потому и земство, что оно земля, т. е. собраніе собственниковъ. Кто же видалъ собственниковъ нигилистовъ?

Что же касается до земскихъ попечителей школъ, то каждый изъ нихъ будетъ радоваться правительственному контролю, избавляющему его отъ непріятной необходимости указывать сосѣду на вредное направленіе его школы. Эту обязанность безспорно лучше исполнитъ лицо отъ правительства. Такой контроль можетъ, на дѣлѣ, оказаться излишнимъ, но въ принципѣ онъ необходимъ, какъ предохранительный клапанъ. Пусть лицо, уличенное въ духовной контробандѣ, отвѣтствуетъ передъ судомъ и закономъ. Но такимъ законнымъ контролемъ и должно ограничиваться вмѣшательство правительства въ мѣстное хозяйство. Законъ всегда ставится въ отрицательномъ смыслѣ. Онъ указываетъ на зло, котораго не должно дѣлать,—а не въ положительномъ. Производи что хочешь, но не распространяй міазмовъ, держи дикихъ звѣрей, но безъ вреда другимъ людямъ. При вмѣшательствѣ правительства или даже земства въ выборъ часовъ и метода преподаванія, или самихъ преподавателей, никто изъ частныхъ благотворителей не пойдетъ въ кабалу попечительства и не раскроетъ своего кошелька. Даютъ отчетъ въ полученномъ. Попечитель, получившій субсидію, обязанъ дать въ ней отчетъ, но неболѣе. Ждать отъ человѣка добровольнаго приношенія и хотѣть распоряжаться его трудомъ и средствами, по малой мѣрѣ не логично. На такое требованіе одинъ отвѣтъ—пассивное молчаніе.

Не успѣлъ предсѣдатель дать необходимыя объясненія и обѣщанія инспектору, какъ къ нему уже подступилъ одинъ изъ мир. судей, обязанный объѣзжать участокъ изъ за рѣки, на которой отъ сотворенія міра не было порядочной переправы, но за то не бывало и мир. судей и земскихъ врачей.

Въ тѣ, времена эта переправа была истиннымъ прибѣжищемъ

нижне-земскаго Суда, на случай улики въ явной проволочкѣ дѣла. Въ отвѣтной бумагѣ непзмѣнно появлялась фраза: *По случаю поводка сообщеніе прекратилось, а потому* и т. д. Теперь поводки на бумагѣ стали не нужны, а переправы на дѣлѣ необходимы.—Дорога-то проселочная, но не настолько проѣзжая, чтобы перевозъ могъ привлечь частнаго содержателя, а обязать содержать перевозъ некого. „Однако г. предсѣдатель! чтожь тутъ дѣлать? Какъ же я въ поводки буду вызывать тяжущихся или переѣзжать къ нимъ? Какъ поѣдетъ врачъ?“

— Погодите. Это надо сдѣлать, но потихоньку, безъ огласки, а то такихъ случаевъ наберется много и удовлетворивъ одного, нельзя будетъ отказать другимъ, а средства земства...

Въ это время хозяйскій слуга, неожидавшій столькихъ гостей, сталъ раздвигать столъ и раскинулъ на немъ, вдвое сложенную скатерть.

—„Вотъ, господа, съ кого намъ слѣдуетъ брать примѣръ, замѣтилъ одинъ изъ собесѣдниковъ, указывая на слугу. Онъ какъ разъ по одежкѣ протянулъ ножки, а вы раздвигаете столъ на большую скатерть, когда у васъ въ рукахъ только салфетка. Каждый теребитъ ее въ свою сторону, а столъ все-таки не покрытъ. Еще и доходу нѣтъ въ виду, а у васъ уже пять безотлагательныхъ расходовъ на готовѣ. Развѣ есть здѣсь хоть одинъ, который бы у себя дома такъ хозяйничалъ? — „Что прикажете дѣлать? Ежеминутное развитіе потребностей.“

— Ну ужъ извините! Это смахиваетъ на ежеминутное развитіе фразъ. — Развѣ можно развивать жизнь? Дѣйствительно, — слабому цыпленку мать помогаетъ разбивать скорлупу, но преждевременно обколупывать недоразвившагося цыпленка значитъ убивать его. Подали на столъ и всѣ приступили къ закускѣ.

На другое утро надо было на раннемъ поѣздѣ ѣхать домой. Въ общей залѣ вагона всѣ мѣста были заняты еще спавшими проѣзжими, которыхъ будить было не для чего, благо нашлось совершенно свободное отдѣленіе. На спросъ новыхъ газетъ, кондукторъ отвѣчалъ, что всѣ распроданы, но что въ общей залѣ у всѣхъ

довольно газетъ. Отправляясь на поиски, мы увидали господина съ газетами въ рукахъ, онъ любезно предложилъ намъ новый нумеръ. Между спавшими на диванахъ намъ кинулась въ глаза старушка, въ черномъ, поношенномъ, шерстяномъ капотѣ и старинномъ чепцѣ. Морщинисто-желтоватое, но круглое лицо ея напоминало залежалый лимонъ. Когда прочитавъ газету, мы понесли ее хозяину, въ общей залѣ всѣ уже поднялись, но свободныя мѣста были заняты пожитками проѣзжихъ. Поднялась и лимонная старушка, успѣвшая накрыть свой бюстъ старой турецкой шалью, узкая каемка черезъ правую руку, широкая черезъ лѣвую,—словомъ живой старинный портретъ, нѣчто въ родѣ бабушки — въ Гончаровскомъ Обрывѣ".

Отъ времени до времени, старушка пережевывала безцвѣтными губами, быстро выпрямляла голову и заглядывая въ окно вагона спрашивала: „Далеко ли до станціи, гдѣ можно завтракать?—Кофею хочу." Мы объяснили ей, что подходимъ къ большому буфету. „А долго ли стоять?" — 30 минутъ — „Слава Богу." За кофеемъ, сидѣвшая съ нами рядомъ, старушка усердно принялась за завтракъ, причемъ беззубыя челюсти ея, сходясь вмѣстѣ, почти подводили подбородокъ къ носу и придавали всему лицу видъ закрывающагося полнаго кошелька. Съ большой станціи въ наше отдѣленіе вошли трое проѣзжихъ, которыхъ по внѣшности нельзя было предполагать въ первоклассномъ вагонѣ. Между тѣмъ кондукторъ попросилъ насъ въ общую залу, такъ какъ эти господа взяли *de* четыре мѣста, а всѣхъ мѣстъ 6. Избѣгая излишнихъ объясненій, мы перешли по указанію и просили господина, снабдившаго насъ газетой, снять шубу съ противуположнаго дивана. Старушка уже пересѣла на ближайшее отъ насъ кресло, противъ молодой брюнетки, державшей въ рукахъ двѣ книжки англійскаго журнала. Очутившійся напротивъ насъ господинъ ѣхалъ, какъ оказалось, къ далекимъ угольнымъ копямъ. Между нами завязался разговоръ о народномъ земскомъ хозяйствѣ, заинтересовавшій, повидимому, и другихъ проѣзжихъ. Не выдержала и старушка, сказавшая передъ тѣмъ нѣсколько фразъ брюнеткѣ на прекрасномъ французскомъ языкѣ, и въ свою очередь, съ большимъ оживленіемъ,

вступила въ разговоръ.—„Это вы все земство хвалите, господа!?—Я вѣдь этихъ дѣлъ не знаю. Теперь все гласные, согласные, безгласные и разногласные. Они все рѣчи говорятъ.—Лично я ничего противъ нихъ не имѣю. Въ Парижѣ я много слыхала рѣчей въ палатѣ депутатовъ. Но вѣдь наши невинные ораторы, это не какіе либо *Мирабо*, у нихъ нѣтъ ничего вреднаго, а любятъ рѣчи говорить. Встанетъ и—и—начнетъ говорить. Никто его даже не слушаетъ; а онъ то старается. За нимъ подымается другой и того тоже никто не слушаетъ. А потомъ даже въ умиленіе приходятъ и цалуются.—Ты, говоритъ, отлично сказалъ. Нѣтъ, ты еще лучше сказалъ. Ни тотъ ни другой ничего не слыхалъ. Все это прекрасно и невинно, — но зачѣмъ они меня къ этому приплетаютъ? Я ихъ не трогаю, а говорятъ мнѣ, что я должна платить за ихъ рѣчи.“ — Позвольте сударыня! Вѣдь у васъ есть посредникъ? „Какже! 1500 руб. получаетъ!“ — Ну такъ какже не платить? Вѣдь онъ развелъ васъ съ крестьянами? „Онъ мнѣ только все спуталъ и испортилъ. А мнѣ пришлось все распутывать. Я и распутала и кончила. Онъ только мужикамъ рѣчи говорилъ, за то до-сихъ-поръ жалованье получаетъ, хоть и рѣчей то говорить стало некому.“—А мировыя учрежденія у васъ введены?—„Какже! Мир. судья тоже 1500 руб. получаетъ, все рѣчи говоритъ и ничего не дѣлаетъ.“ — Помилуйте! Вступилась брюнетка, вотъ ужъ это не справедливо! Они завалены дѣлами. — „Какое завалены! Они ихъ сами сочиняютъ, лишь бы рѣчь сказать. У меня крестьянинъ сводилъ лѣсъ и ломалъ поросль. Я къ Мировому. Пошлите, говорю, чиновника освидѣтельствовать убытокъ. — Надо, говоритъ, сначала вызвать отвѣтчика и ему рѣчь сказать, когда очередь придетъ. А когда очередь придетъ? Можетъ черезъ 4 мѣсяца. А тутъ снѣгъ выпадетъ. Что они въ лѣсу увидятъ? А главное у нихъ на умѣ: что де мужичка тревожить. А мужичекъ тысячами ворочаетъ и вдвое богаче меня.“ — Согласитесь, сударыня, что есть разница между новыми судами, въ которые доступъ открытъ всякому, и старыми, въ которыхъ всюду было написано: входъ воспрещается. Вы можете жаловаться на медлен-

ность судьи.—„Помилуйте! Куда я пойду? Чтобы мнѣ рѣчъ сказали? Онѣ мнѣ и въ Парижѣ надоѣли. Старушка говорила такимъ убѣдительнымъ тономъ, что возбудила общую веселость. Пріѣхали къ нашей станціи. На платформѣ мы встрѣтились съ управляющимъ опекунскимъ имѣніемъ, *Чижовымъ*, тоже возвращавшимся съ мир. съѣзда, на которомъ, по тремъ искамъ ему была присуждена довольно значительная сумма. „Позвольте спросить, обратился къ намъ Чижовъ, чѣмъ кончилось наше дѣло? „Какъ, чѣмъ кончилось? Мнѣ сказывали съѣздъ утвердилъ всѣ три рѣшенія и васъ можно поздравить.—„Покорнѣйше благодарю.“ Да меня то за что? При вашихъ дѣлахъ меня и на съѣздѣ не было, а онѣ разбирались съ участіемъ прокурора.—„Все таки ваше рѣшеніе утвердили.“ —Полагаю, что съѣздъ не утвердилъ бы противуположнаго рѣшенія. — Вернувшись днемъ раньше противъ обыкновеннаго, мы на станціи не застали своихъ лошадей. „Неугодно ли доѣхать на моей? спросилъ Чижовъ,—тутъ недалеко.“—Покорно благодарю, но вы то какъ же? „Мнѣ надо, по дѣлу, пробыть здѣсь часа 2, а къ тому времени лошадь моя вернется.“ Работникъ подалъ довольно удобные пошевни и добрая лошадка пустилась рысью по узкой дорожкѣ. — Ты братъ не очень гони лошадь-то. Вѣдь ей еще назадъ, да къ вамъ домой надо. „Я васъ довезу, а на станцію вернусь шагомъ.“—Ты годовой что ли? „Нѣтъ, я недавно нанялся до Святой.“ — Въ работники? „Нѣтъ, на конюшню, да вотъ выѣхать. За 10 рублевъ.“ А лѣтомъ дома будешь жить?—„Дома. Я вѣдь *Заплотскій*“—Стало быть ты у меня въ Марьиной работаешь? „Какъ же, работаю. Осенью у васъ подъ Ригой на машинѣ молотилъ.“—Ну братъ, молодецъ! Чѣмъ зиму-то дома сидѣть, па одеженку заработаешь, да хлѣба не ѣшь.—„Какъ же—вѣстимо.“—Ты какого двора?—„Потаповыхъ“. —Это вы у меня, подъ рощей, опекунскую землю снимаете? — „Какъ же.“ — Ну ребятки, снимать снимайте, дѣло хорошее, а вотъ, что вы казенный рубежъ подпахиваете — это дѣло дрянь. Я ужь говорилъ вашимъ молодцамъ, да все имъ неймется. — „То-то нашъ братъ глупъ то.“ —Однако, по глупости, вы не бросаете недопаханной нанятой земли.

„Какъ же можно.“—Такъ ты скажи своимъ ребятамъ, какъ бы имъ, по глупости, на все лѣто *въ кутузку* не попасть. И стыдно и убыточно будетъ. „Вѣстимо!“ Проѣхавъ въ конецъ дер. Глѣбовой, мы увидали высокаго крестьянина, въ новой черной свиткѣ, въ рукава сверхъ полушубка и высокой ямской шапкѣ, силящагося пройдти съ большой дороги въ свою крайнюю избу. Снѣгу нанесло много, а ноги видимо не слушались хозяина. Длинные рукава свитки упрямо сползали черезъ кисти рукъ и мотаясь въ воздухѣ, на подобіе подстрѣленныхъ крыльевъ, помогали равновѣсію. — Паціентъ, явно, возвращался отъ ближайшихъ постоялыхъ дворовъ, отстоящихъ саженей на 150 отъ Глѣбовой. Взглянувъ передъ собой по дорогѣ, мы увидали цѣлый гордіевъ узелъ человѣческихъ тѣлъ, хитросплетенно державшихся другъ за друга и подвигавшихся намъ на встрѣчу. — Что нынче за праздникъ? Невольно спросили мы малаго. — „Денегъ много, — вотъ и праздникъ — денегъ девать некуда,“ внушительно замѣтилъ малой. Признаемся, мы караулили какой либо выходки противъ смиренной лошадки или возницы,—но гордіевъ узелъ, со страшнымъ усиліемъ, свернулъ съ узкой тропы и, когда мы поровнялись съ нимъ, привѣтствовалъ наше шествіе какимъ то ревомъ, лирическаго предназначенія. Неужели вызвать ихъ завтра и всѣхъ оштрафовать? Съ какой цѣлью? Отучить пропивать лишнія деньги? Не отучишь. Вреднаго для другихъ они ничего не сдѣлали. Но могли сдѣлать. На этомъ основаніи можно оштрафовать весь родъ человѣческій огульно.

IV.

ДЕРЕВНЯ ЛѢТОМЪ — РАЙ.

Грибоѣдовъ.

Хотя земной рай вещь субъективная и относительная, тѣмъ не менѣе смыслъ Грибоѣдовскаго полустишія ясенъ. Авторъ указываетъ на созерцательное спокойствіе духа, вызываемое матеріяльнымъ довольствомъ, невозмущаемымъ безмѣрными требованіями столичной жизни. Всего необходимаго въ изобиліи. Приходитъ оно въ руки

само собою. Наслаждайся природой, чтеніемъ, охотой. Если ты работалъ въ городѣ, отдохни лѣтомъ въ безпечномъ бездѣйствіи, а если въ городѣ ничего не дѣлалъ, продолжай это занятіе болѣе дешевымъ способомъ въ деревнѣ. Таковъ былъ для большинства землевладѣльцевъ идеальный деревенскій рай. Нечего говорить, что подобное положеніе неминуемо вело за собой безпомощную скуку и апатію, ставившую себѣ противуположный идеалъ городской суеты и гоньбы за всевозможными призраками. Таковъ былъ идеалъ деревенской жизни до освобожденія крестьянъ. Но прилагать его въ настоящее время къ сельскому быту, значитъ не имѣть о послѣднемъ ни малѣйшаго понятія. Если переживаемый нами періодъ можетъ быть вѣрнѣе всего охарактеризованъ задачей: *дѣлать все изъ ничего*, то въ земледѣльческой деревнѣ, у корня всего государственнаго дерева, эта задача должна чувствоваться сильнѣе чѣмъ гдѣ либо.—*Рукъ нѣтъ, людей нѣтъ.*

Вотъ постоянный нашъ припѣвъ. Чтобы правильно судить о положеніи современнаго сельскаго хозяйства, надо навсегда выбросить изъ головы всякіе образы и соображенія другого порядка вещей и сказать себѣ: это коммерческое предпріятіе, подобно всякому другому, ни болѣе, ни менѣе. Только съ этой, единственно справедливой точки зрѣнія могутъ быть объяснены и поняты многія явленія нашего сельскаго хозяйства. Усиленная конкурренція всюду приводитъ ко всевозможнымъ выдумкамъ и уловкамъ, доходящимъ до рекламы и шарлатанства. Являются папиросы, конфекты, журналы и ноты съ сюпризами. Что это значитъ? Надо, во чтобы ни стало, поймать покупателя. Тоже самое, во всевозможныхъ видахъ происходитъ въ деревнѣ, по отношенію къ рабочему, этой рѣдкостной птицѣ *(rara avis)* нашего времени. Какихъ сюрпризовъ и соблазновъ для рабочаго нѣтъ у нанимателя. Картофель, капуста, яровой кормъ, пастбища, ягоды, женскіе наряды, земля, водка и деньги впередъ, словомъ — трудно придумать, заманчивую для рабочаго, вещь, которая не была бы уже пущена входъ. Положительныхъ цѣнъ на извѣстный сельскій трудъ, даже приблизительно, во многихъ случаяхъ, не существуетъ. Такъ, на вопросъ: что стоитъ въ

нашей мѣстности связать десятину ржи? придется отвѣчать такъ: цѣна эта зависитъ отъ вашей расторопности и юркости, отъ времени, въ которое вы нанимаете рабочихъ, отъ степени ихъ нужды въ деньгахъ, во время заключенія условія. Совокупность этихъ условій до того измѣняетъ цѣну труда, что ловкій хозяинъ вяжетъ свое поле по 60 коп. за десятину, а ищущій въ тоже время вязальщиковъ, къ переспѣлой ржи, радъ, что нашелъ ихъ по 6 руб. съ десятины.

„Онъ былъ рожденъ для жизни мирной,
Для деревенской тишины“

говоритъ Пушкинъ. Заглянемъ на минуту въ эту тишину. Конецъ іюля. Хлѣбъ давно поспѣлъ, но постоянные дожди мѣшаютъ уборкѣ, ухудшая ее съ каждымъ днемъ. Хлѣбъ все болѣе ложится и путается. Тамъ или самъ ретивый хозяинъ, вдоволь намучившись наблюденіями за причудами барометра, при первомъ проблескѣ солнца, послалъ за 20 верстъ вызывать крестьянъ на условленную вязку. Смотришь вереница телѣгъ съ бабами, молокомъ, хлѣбомъ и квасомъ расположилась по загону. Къ позднему обѣду иная семья успѣла связать двѣ копны полусырой ржи. Сѣли обѣдать, — дождь полилъ какъ изъ ведра. Рабочіе забились подъ телѣги и просидѣли тамъ до слѣдующаго утра. Небо окончательно заволокло. Люди окончательно перемокли и рѣшивъ, что *видно не разгуляется*, запрягаютъ лошадей и отправляются домой. Впрочемъ, это исключеніе. Жалобъ на рабочихъ нѣтъ. Но мало-мальски опытный судья знаетъ, что затишье передъ бурей, которая тѣмъ страшнѣе разразится надъ его головой, чѣмъ продолжительнѣе будетъ ненастье. Наконецъ, барометръ поднялся и солнце второй день печетъ съ безоблачнаго неба. Еще въ 3 часу утра табунъ, мимо нашихъ оконъ, пробѣжалъ въ поле. Семь часовъ. Надо бы узнать въ какомъ положеніи собственныя работы. Но объ этомъ и думать нечего. Вотъ, вотъ нагрянутъ. Дѣйствительно, по двору раздается конскій топотъ и въ окнѣ мелькаетъ бѣлая лошадь, вслѣдъ за ней несется гнѣдая, за гнѣдой рыжая. Черезъ минуту на каменномъ крыльцѣ раздаются отрывистые удары, напоминающіе пистолетные выстрѣлы. Такъ и есть.

Выстрѣло—подобные звуки производитъ Мѣшковскій, безногій хохолъ, на деревяшкѣ. На гнѣдой пріѣхалъ Хрящевскій прикащикъ, воспитанникъ Горыгорецкаго института, а на рыжей молодцоватый и рыжій бурмистръ Мещневской экономіи. Дверь пріотворяется, но безногій хохолъ останавливается запорогомъ.—Съ жалобой?—„Точно такъ"—Войдите въ камеру.—„Не приказано входить. Деревяшка у меня гвоздемъ подбита, такъ я полы ковыряю".—Ничего. Войдите. Нельзя черезъ порогъ разбирать жалобу.—Ну что? Степановскіе не выходятъ на работу? „Точно такъ. Рожь сыпется, другой день ѣзжу, только 5 дворовъ выѣхало. Деньги забрали еще до Рождества, а теперь ни какъ не вызовешь. Сдѣлайте милость помогите". Вотъ вамъ повѣстка къ сельскому старостѣ, чтобы сейчасъ выгонялъ на работу или явился ко мнѣ съ тремя выборными на разбирательство. Отдайте повѣстку и если тотчасъ не пойдутъ на работу, — явитесь сюда. Явятся или не явятся отвѣтчики на судъ, тотчасъ разрѣшу производить уборку на ихъ счетъ.—„Помилуйте! когожъ мы найдемъ? Теперь и за 6 руб. никто не пойдетъ". — Наймите за 7 руб. „А съ кого-жъ намъ просить эти деньги?" — Съ отвѣтчиковъ. „Да что съ нихъ взять-то? — Ну, батюшко, объ этомъ будетъ время думать, а теперь надо вылѣзать изъ бѣды. Можетъ дѣло и мирно обойдется. Время горячее. Поскорѣй везите повѣстку.—„Счастливо оставаться. Мигомъ сочу". По двору раздается топотъ ускакавшаго хохла. Хохолъ правъ. Съ неисправнаго плательщика не крестьянина судъ возьметъ все: землю, строенія, рабочій скотъ и инструменты, словомъ, что подъ руку истца попадетъ. А съ крестьянина?—Ничего. Продать у него всего сказаннаго нельзя. Юридически это было бы справедливо, но въ дѣйствительности оказалось бы полнымъ извращеніемъ настоящаго порядка вещей, одинаково гибельнымъ для всѣхъ членовъ народнаго хозяйства, начиная съ истцовъ. По закону истецъ можетъ указать на излишній скотъ, истцу и т. д. Но могутъ сказать, что все это описано за казенную недоимку. Кто это станетъ и можетъ провѣрять въ чужомъ вѣдомствѣ? Вотъ почему судьи, къ помощи которыхъ прибѣгаютъ въ критическую минуту, такъ боятся этого

рода дѣлъ,—ясныхъ съ юридической и безвыходныхъ съ практической стороны.—Вы тоже съ жалобой на Степановскихъ?—„Точно такъ-съ“ отвѣчаетъ горыгорецкій воспитанникъ“ сдѣлайте милость помогите! Я человѣкъ семейный. Матвѣй Матвѣичъ, сами изволите знать, они этого въ резонъ не принимаютъ. Ты, говорятъ деньги раздавалъ. Это твое дѣло. Ты, говорятъ, неспособенъ. Ну, а такъ сказать, будь я дѣйствительно способенъ, что я тутъ подѣлаю? Ѣду къ вамъ сегодня мимо Мѣшковскаго поля, глядь, а этотъ самый Степановскій *Козорѣзовъ* преспокойно у нихъ на десятинѣ вяжетъ. А онъ первый осенью у меня подъ отработку деньги забралъ. Я еще его спрашивалъ: не нанялся-ли ты куда? Заклялся, забожился. Выручи говоритъ, родимый! Самъ-пятъ, говоритъ, выйду. За два дня ублаготворимъ. — Ублаготворимъ! Анъ онъ и у Мѣшковыхъ тоже забралъ. Отбивать на сосѣднемъ загонѣ рабочаго, какъ-то не приходится. А ужь вы сдѣлайте милость“. — Послушайте, вы человѣкъ грамотный и такъ часто были здѣсь на судѣ, что заявлять невозможныя требованія вамъ не приходится. Вы слышали сейчасъ мой отвѣтъ хохлу. Я могу вамъ дать разрѣшеніе нанять сторонниxъ рабочихъ. Наконецъ, выдать вамъ, согласно условію, на отвѣтчика исполнительный листъ, что же я могу сдѣлать больше? „Помилуйте! Да у меня на этого же Козорѣзова, за недопашку, вашъ исполнительный листъ другой годъ лежитъ; былъ я съ нимъ и въ волости. Все говорили: непогода, хлѣбъ у крестьянъ не молоченъ, а теперь ужь и хлѣбъ съѣли, а вашъ листъ все валяется“. —Да вѣдь вы вѣрно обдумали, чего вы просите?—„Ужь пожалуйте и мнѣ повѣстку. Намедни, въ сѣнокосъ пожаловали повѣстку, слава Богу, полегчало. Духомъ собрались“.—Вотъ вамъ повѣстка и желаю, чтобы съ васъ было снято подозрѣніе въ неспособности. „Покорно благодарю“ Горыгорецкій уходитъ бормоча: „вотъ бѣда-то! вотъ горячка-то!“ Въ такомъ же родѣ объясненіе съ рыжимъ бурмистромъ и затѣмъ тоже самое и тоже самое ежедневно, до конца уборки. Крайнее, лихорадочное напряженіе рабочихъ силъ представляетъ въ это время не исключительное, а повсемѣстное явленіе. Что же сказать о людяхъ, своевременно не заручившихся рабочими?

Ихъ ожидаетъ ни съ чѣмъ несообразная плата за уборку, окончательно спутавшагося и осыпавшагося хлѣба, т. е. хозяйство въ чистый убытокъ. Можно ли предполагать, чтобы человѣкъ добровольно ставилъ себя въ подобное положеніе? Пока мы разбираемъ чужія экономическія затрудненія, въ собственномъ нашемъ хозяйствѣ возникаютъ однородныя явленія.—„Прикащикъ пришелъ“.—Что тебѣ надо? „Да вотъ, не знаю, что съ кухаркой дѣлать! Сами изволите знать—по контракту годовая, а вотъ ужь въ третій разъ уродничаетъ. Нехочу, говоритъ жить. Намедни къ больной свекрови отпросилась на 2 дня, — пробыла недѣлю: тогда хоть можно было поденныхъ бабъ нанимать, а теперь горячая пора и за рубль никто не пойдетъ. Завтракъ, обѣдъ, полдникъ и ужинъ, да 4 пуда хлѣба каждый день. Народъ съ поля вернется—только подавай. Какъ же ее въ самую рабочую пору отпустить? Народу не ѣвши быть невозможно. Прежде все-таки резонъ принимала, а вотъ недѣли съ двѣ толкуетъ: не буду жить, да и все тутъ. Свекровья, говоритъ, умерла, въ домѣ никого не осталось“.—Какъ же ты мнѣ до сихъ поръ ничего не сказалъ объ этомъ? „Да она цѣлое лѣто проуродничала. Чтожъ мнѣ васъ всякій день безпокоить? А теперь не съ коротькимъ пристала,—къ вамъ просится“.—Позови ее сюда. — „Она около крыльца“. У крыльца дѣйствительно стояла кухарка и за ней крестьянинъ. „Отпустите меня, батюшко, домой“.—А тебѣ что надо? спрашиваемъ мы крестьянина. „За невѣсткой пришелъ. Дворъ весь обмеръ. Мать умерла“.—Изъ волости есть удостовѣреніе? Мужикъ подалъ формальную бумагу. Ты что же, матушка, за двѣ недѣли не объявила? „Вотъ другую недѣлю брешу Лаврентьичу, а теперь ужъ до твоей милости пришла“. — Ты 4 рубля перебрала? „Четыре“.—Доставь деньги и ступай.—„Завтра утречкомъ предоставимъ“, говоритъ мужикъ.—Тогда и невѣстку забирай.—„Вы изволили ее отпустить?“ спрашиваетъ прикащикъ, по уходѣ кухарки. „Какъ же это возможно?“—Ты грамотный, прочти вотъ эту статью и скажи: можно ли ее не отпустить?—„Да что статья? Статья намъ завтра народа не накормитъ“.—Это наша забота, а какъ представитъ 4 руб., такъ и отпусти.—„Слушаю-съ“, отвѣчаетъ уходящій

прикащикъ, подымая руки, на подобіе мокрой курицы, тщетно собирающейся летѣть. Все это прекрасно, подумали мы, проходя черезъ дворъ къ конюшнѣ. Законъ удовлетворенъ, но въ дѣйствительности, назавтра, создается траги-комедія, изъ которой выхода можно только ожидать отъ слѣпаго случая. Не знаемъ сколько времени мы простояли въ мучительномъ раздумьи, передъ конюшней. Изъ за угла послѣдней показалась женская фигура, въ поношенной, ситцевой кофтѣ, въ такомъ же платкѣ на головѣ и съ грязнымъ узломъ въ рукѣ.

Первою нашею мыслью было: ужь не посылаетъ ли намъ сама судьба кухарку? Женщина прямо шла на насъ. Что тебѣ надо? —„Да вотъ, сказывали,— не здѣсь ли *мировая судьба* живетъ?“ —Я судья. Что вамъ угодно? „Произношу вашей милости жалобу объ своей обидѣ“.—Говорите скорѣе, мнѣ некогда. „Жила это я у Гречихинскаго священника въ кухаркахъ.“—И теперь, какъ видно по узелку, отошли? „Отошла, батюшка, и прямо къ вашей милости съ жалобой“.—Господи! подумали мы, какую прекрасную женщину намъ Богъ посылаетъ.— Въ чемъ же дѣло? „Обижена, батюшка, кругомъ обижена. Полпуда замашекъ моихъ тамъ осталось. Сулили коты и онучи, 1 р. 40 к. деньгами, да головной платокъ. А все по наговору. Дьячковская работница. У нихъ тамъ скотъ падаетъ. Все она дьячковская работница, коровы передохли, а я то свою все на рубежѣ держала. Травки гдѣ схвачу,— тпружинюшка-матушка! — Вотъ черезъ это черезъ самое. Какъ прищучилъ меня на огородѣ, такъ я свѣту бѣлаго не взвидѣла. Морда гадкая, съ рогами и съ хвостомъ. Ужь ёнъ меня! — все рогами-то“.— Кто такой онъ? — „Вѣстимо — ёнъ самый — нечистая сила. Измаялъ“. Я васъ прошу сказать: кто такой онъ?— Да все она“. — Кто такая она? —„Да онъ самый, рогатый, съ хвостомъ“.—Я перестану слушать, если вы не будете говорить толкомъ, кто этотъ рогатый — онъ? „Да она же, батюшка, она, дьячкова работница. Ужь ёнъ меня мучилъ. Цыборку, говорятъ, украла. А я имъ цыборку на огородѣ нашла, до половины землей засыпана. Совѣстно, видно стало, вотъ и

разочли". — О чемъ же вы просите? „Прикажи мнѣ, сиротѣ, отдать зажитое". Вы за сколько въ годъ жили? „За 6 рублей". Пройдите въ канцелярію, тамъ запишутъ вашу просьбу и вызовутъ священника. — А ты, матушка, чѣмъ теперь мѣста-то искать, становись ко мнѣ въ кухарки, благо моя отходитъ. „Съ великимъ удовольствіемъ"; — и новая кухарка отправилась къ должности. По сведеніи взаимныхъ счетовъ, священникъ былъ присужденъ къ уплатѣ кухаркѣ 10 копѣекъ, но такъ медленно и трудно лѣзъ за кошелькомъ, что мы сочли болѣе удобнымъ, съ разрѣшенія отвѣтчика, самимъ удовлетворить истицу. „Покорнѣйше васъ благодарю", съ низкимъ поклономъ, отвѣчалъ уходящій отвѣтчикъ.

Кстати замѣтимъ, что кухарка у нашего предмѣстника по хозяйству получала, по ея словамъ: обужу, одежу и 3 руб. въ годъ; слѣдовательно не дороже 9 рублей. У насъ она стала получать 12 рублей, а въ настоящее время женщина, исполняющая эту должность получаетъ 2 рубля въ мѣсяцъ. Въ такой же мѣрѣ возросла и наемная цѣна работника.

Говоря о сельскихъ хозяевахъ, поневолѣ приходится имѣть въ виду людей недостаточныхъ или же средняго состоянія. Богатые землевладѣльцы, къ сожалѣнію, большею частію не живутъ въ имѣніяхъ, а если временно въ нихъ и проживаютъ, то не въ качествѣ сельскихъ хозяевъ. Что касается до землевладѣльцевъ средней руки, то крестьянская реформа совершенно измѣнила не только ихъ хозяйственный бытъ, но и самые пріемы общежитія. Прежній владѣтель 1000 десятинъ счелъ бы неприличнымъ встать при гостяхъ изъ за обѣденнаго стола, для исправленія какого-либо недосмотра прислуги, на которые онъ въ крайнемъ случаѣ, только указываетъ глазами — или что еще хуже, оставя гостя одного, бѣжать по поводу какихъ-либо распоряженій. Дѣло понятное. Столъ окружала даровая, привычная и многочисленная прислуга, а неотложимыхъ распоряженій не существовало. Если бы дождикъ помѣшалъ чистить садъ, то староста погналъ бы людей дрова колоть, падрины подбивать и т. д. Въ настоящее время они кромѣ сада никуда не пойдутъ, да еще надо съ ними уговориться, когда

и на какихъ условіяхъ они снова придутъ въ садъ. — Тогда никто не приходитъ за деньгами, а теперь пришелъ и скорѣй удовлетворите его, а то не только онъ не придетъ, да за нимъ другой усомнится. Такихъ вопросовъ у сельскаго хозяина ежечасно по нѣскольку. Желающій, во чтобы ни стало, сохранить *decorum* хозяинъ, чувствуя, что вы любезнымъ визитомъ его грабите, въ душѣ проклинаетъ и васъ и мнимое приличіе. Впрочемъ, сила вещей и тутъ взяла свое. Большинство деревенскихъ хозяевъ уже перестало стыдиться своего ремесла и — „извините, Бога ради, я сейчасъ вернусь", стало ходячею монетой, которая и выдается и принимается ежечастно, безъ малѣйшаго смущенія.

Положеніе сельскаго хозяина на ряду съ другими производителями исключительное. Только онъ одинъ, въ отношеніи къ рабочимъ силамъ, идетъ по непрестанно проваливающейся дорогѣ, только онъ одинъ поставленъ лицомъ къ лицу къ несостоятельному отвѣтчику, который въ случаѣ своей недобросовѣстности, можетъ причинить нанимателю неисчислимый убытокъ. Зажиточный крестьянинъ въ работники нейдетъ, — идетъ неисправный. Въ настоящую минуту передъ нами просьба о взысканіи съ неявившагося на работу крестьянина, 12 рублей задатку и по 50 копѣекъ въ день неустойки, итого 27 рублей. Можно ли требовать, чтобы наниматель не жаловался на нарушеніе условія? Всѣ рабочіе разбѣгутся. А есть ли надежда на полученіе 27 рублей? Полагаемъ, что нѣтъ, или изъ 10 вѣроятностей, только 2 въ пользу полученія денегъ, а 8 не въ пользу. Замѣтьте, что строгое требованіе, черезъ судъ, исполненія условій открываетъ перспективу остаться безъ желающихъ поступить въ работники. Таково ли отношеніе хозяина къ хлѣбному рынку? Въ началѣ минувшаго декабря нами изготовлено было въ продажу 500 четвертей овса и продано съ доставкой къ 15 января. Слѣдовало продать 600 четвертей, т. е. обмолотить еще 100 копенъ овса въ теченіи $1^1/_2$ мѣсяцевъ. Въ нашемъ хозяйствѣ рабочіе были наняты, деньги давно уплачены и, безъ особаго напряженія, должно обмолачиваться отъ 40 до 50 копенъ овса въ зимній день. Такимъ обра-

зомъ расчитывать на двухдневную работу изъ 45 дней не значило брать на себя неисполнимое. Тѣмъ не менѣе, мы ограничились продажей 500 четвертей и, какъ оказалось, пассемизмъ выручилъ насъ изъ бѣды. Сначала декабря стояли оттепели, затѣмъ поднялись мятели и праздники, затѣмъ сборы въ волости по случаю рекрутства, снова мятели и наконецъ ясная погода. Во вторникъ на всеѣдной раскрыли скарду въ 150 копенъ. Помолотили день—погода ясная, но морозъ дошелъ до 30 градусовъ и бабы нейдутъ молотить. Какъ же быть? — „Помилуйте. Тутъ всей работы на 2 дня осталось".—Да, вѣдь я это съ ноября слышу. И раскрытая скирда простоитъ за масляную, перебьется со снѣгомъ т. е. изгадится. Увлекись мы теоріей вѣроятностей, такъ пожалуй и заплатили бы, за недоставку 100 четвертей, могущій произойти для покупателя убытокъ. Не приводя новыхъ обращиковъ ежечастныхъ треволненій, въ которыхъ осужденъ жить сельскій хозяинъ, признаемъ несомнѣнный фактъ, что рай праздной лѣни, поэтической обломовщины менѣе всего осуществимъ въ деревенской тишинѣ, если живешь въ ней не гостемъ, а дѣятелемъ.

Говоря о земледѣліи, мы не имѣемъ въ виду отдѣльныхъ лицъ или сословій, а разсматриваемъ только этотъ основной, чтобы не сказать, единственный источникъ нашего народнаго благосостоянія. При этомъ самъ собою возникаетъ вопросъ: какіе пути проложила или хотя намѣтила эта промышленность, въ продолженіи послѣднихъ 10 лѣтъ? Такихъ путей или способовъ производства, мы знаемъ, 4.

1. Обработка всего, или по крайней мѣрѣ ближайшаго поля наемными работниками.

2. Наемка крестьянскихъ обществъ отъ десятины.

3. Отдача крестьянамъ полей исполу — и наконецъ

4. Сдача крестьянамъ земли въ аренду.

Первый способъ самый дорогой, хлопотливый и требующій значительнаго оборотнаго капитала, за то, какъ ближе подходящій къ ферменному хозяйству, заключающій въ себѣ задатки всяческаго развитія. Только при немъ вы полный хозяинъ сѣвооборотовъ, ка-

чества пашни, пріемовъ уборки, количества скота и удобренія. Только при немъ возможно примѣненіе усовершенствованныхъ орудій; Только при немъ земледѣліе имѣетъ будущность.

Второй способъ, удерживая главныя преимущества перваго, какъ напр. возможность скотоводства и удобренія полей и требуя меньшей затраты капитала, влечетъ за собою дурное и несвоевременное исполненіе работъ, а иногда и совершенное неисполненіе договоровъ.

3-й способъ, уносящій половину зерна, корму и топлива изъ хозяйства, влечетъ за собою уменьшеніе въ хозяйствѣ на половину прежней его производительности.

Что касается до 4-го способа, то хотя онъ и носитъ громкое названіе арендаторства, но въ сущности представляетъ высшую степень расхитительнаго хозяйства, при которомъ ни скотоводство, ни удобреніе полей уже немыслимы. При значительности запашекъ черноземной полосы, хозяева по обстоятельствамъ должны придерживаться одного изъ четырехъ способовъ или держаться нѣсколькихъ единовременно. Справедливость заставляетъ признаться, что большинство хозяйствъ проходитъ упомянутую лѣстницу способовъ, не восходя, а нисходя по ней. Въ нынѣшнемъ году, напримѣръ, земледѣльческихъ работниковъ окончательно нѣтъ. Спрашивается, куда они дѣвались? или лучше сказать: гдѣ причина такой наклонности земледѣльческой промышленности къ упадку? Главной причиной явленія все-таки возрастающій недостатокъ рукъ. Вспомните, сколько новыхъ отраслей промышленности возникло въ послѣдніе 10 лѣтъ. Укажемъ только на желѣзныя дороги, черпающія весь громадный контингентъ изъ той же земледѣльческой среды. Кромѣ того, вѣра въ собственныя силы увлекаетъ къ болѣе самостоятельному труду, чѣмъ трудъ простаго работника. Правда, подобный расчетъ часто оказывается ошибочнымъ. Но ошибаться свойственно человѣку. Говоря о причинахъ наклонности нашего земледѣлія къ расхитительному хозяйству, вытекающихъ изъ неотвратимыхъ явленій современной жизни, не можемъ пройдти молчаніемъ такихъ, которыя сопровождаются полнымъ сознаніемъ. Мы говоримъ о явленіи, получившемъ названіе *абсентизма*. Намъ

могутъ сказать нашими же словами, что *абсентизмъ* такой же вентиляторъ свободнаго человѣка, какъ и всякій другой и навѣрно менѣе предосудительный чѣмъ пьянство. Съ этимъ мы вполнѣ согласны. Съ точки зрѣнія сельскаго хозяйства, мы вполнѣ помирились бы съ громадными расходами абсентизма, если бы этотъ вентиляторъ былъ обращенъ во внутрь страны, т. е. хотя въ окончательномъ проявленіи пересталъ быть абсентизмомъ. Представьте себѣ, что всѣ милліоны, широкимъ потокомъ, безвозвратно текущіе за границу, изливались бы во внутрь страны и вы поймете на сколько оживились бы всѣ отрасли промышленности. Хотя абсентизмъ, какъ всякая мода, спускаясь въ низшіе круги, принимаетъ уродливый видъ, тѣмъ не менѣе онъ составляетъ, какъ бы, привиллегію самыхъ крупныхъ собственниковъ. Указывая на этотъ громадный вентиляторъ, ежеминутно вывѣтривающій огромные капиталы за границу, въ ущербъ нашему народному хозяйству, не можемъ согласиться съ людьми, утверждающими, что для страны все-равно проживаются ли богатыми потребителями доходы дома или за границей. Самый невѣрующій можетъ во очію убѣдиться изъ безчисленныхъ примѣровъ, какимъ образомъ чужіе капиталы могутъ поддерживать благосостояніе въ самой непроизводительной средѣ. Развалины древняго и дворцы средневѣковаго Рима питаютъ современный. При временномъ отливѣ иностранцевъ Римъ переживаетъ экономическій кризисъ. Кромѣ прямаго вліянія абсентизма на наши хозяйства есть и косвенное, вредящее земледѣлію не менѣе ощутительно и наглядно. Въ виду различныхъ земледѣльческихъ обществъ и даже земледѣльческой академіи, стоющей правительству значительныхъ издержекъ, мы вправѣ заключить о его заботливости по отношенію къ земледѣлію. Выступая на такой дорогой путь, правительство очевидно превзошло законныя упованія, какія земледѣльческая среда могла возлагать на него. Тамъ, гдѣ нѣтъ возможности не только удобрить поле, но и вспахать его удовлетворительно, земледѣльческая академія, по малой мѣрѣ блестящее украшеніе, коринѳская коллонада, за которой скрывается холодная станціонная изба, съ разбитыми лошадьми и повозками.

Ни въ какомъ коммерческомъ предпріятіи, а тѣмъ болѣе въ земледѣліи, способы производства не въ состояніи замѣнить хозяина. Вся задача въ хозяинѣ и его личный интересъ, лучше всякой академіи, заставитъ его обратиться къ наилучшему, по обстоятельствамъ, способу производства. Доставьте хозяину возможность быть хозяиномъ и вы окажете дѣлу неизмѣримо болѣе пользы, чѣмъ могутъ оказать академіи, каѳедры, выставки, призы и медали. Въ этомъ смыслѣ новые законы о наймѣ рабочихъ, о порубкахъ и потравахъ принесли земледѣлію гораздо больше пользы вышеупомянутыхъ средствъ поощренія. И такъ въ земледѣліи главнымъ и незамѣнимымъ двигателемъ является *хозяинъ*, а въ абсентизмѣ онъ-то и отсутствуетъ, *его-то* и нѣтъ. Здѣсь нельзя не замѣтить страннаго и, какъ бы, противорѣчиваго явленія, присущаго сельскому абсентизму. Крупный, наслѣдственный землевладѣлецъ, у насъ, болѣе всякаго другого производителя необходимъ при своемъ хозяйствѣ. Между тѣмъ, онъ же единственный хозяинъ, отсутствіе котораго не приводятъ его къ неизбѣжному разоренію. Вы купили на 20 тысячъ земли, съ цѣлію полученія на этотъ капиталъ 10 процентовъ. Къ концу года вашъ хуторъ, не выручилъ 2 тысячъ оборотнаго капитала, а такое явленіе далеко не невозможно. Чтобы вести хозяйство въ будущемъ году, вы заняли недостающую тысячу. Продолжая хозяйство съ подобнымъ же результатомъ вы по истеченіи 10 лѣтъ, съ причисленіемъ процентовъ займа, неизбѣжно дойдете до *нуля*. Тогда какъ хозяинъ большой поземельной собственности, остановившись на самомъ непроизводительномъ способѣ хозяйства, нетребующемъ оборотнаго капитала, можетъ сказать: „да, я получалъ 5 рублей съ десятины, а теперь получаю 1 рубль, но у меня 10,000 десятинъ, а въ Дрезденѣ жизнь дешева и я обхожусь. Посмотримъ, въ какой мѣрѣ поощрительно дѣйствуетъ сосѣдство подобныхъ, крупныхъ имѣній, на окружающія ихъ мелкія хозяйства, представляющія большинство. Приводимъ, намъ лично извѣстные, примѣры. Имѣніемъ отсутствующаго владѣльца завѣдуетъ управляющій. Сказано высылать за границу 10 тысячъ. Впродолженіи 2 лѣтъ управляющій высылаетъ по 5-ти — и за то

спасибо. За то въ имѣніи послѣдній лѣсъ порубленъ, изгаженъ и безобразно растасканъ мужиками. Хлѣбъ молотится пополамъ со снѣгомъ, слѣдовательно, гуменный кормъ къ весеннимъ оттепелямъ сгнилъ и скотина попадала. Наконецъ, выведенный изъ терпѣнья, владѣлецъ является требовать отчета. Оказывается, что имѣніе за 2 года дало 20 тысячъ доходу, на извлеченіе котораго, за это же время израсходовано 22 тысячи, а весь недочетъ покрытъ изъ капиталу имѣнія. Результатъ не блестящій, но чтобы исправить дѣло, надо самому за него приняться. А какъ за границу ѣхать *необходимо*, то владѣлецъ уѣзжаетъ и дѣло продолжается на прежнемъ основаніи. Другой примѣръ. Въ многолюдномъ селѣ, въ кругу среднихъ землевладѣльцовъ, огромнымъ имѣніемъ отсутствующаго управляетъ прикащикъ. — Матвѣй Матвѣичъ! спрашиваемъ мы одного изъ тамошнихъ владѣльцевъ, вы такъ нуждаетесь въ работникахъ, а между тѣмъ у васъ подъ руками село, въ нѣсколько тысячъ душъ? — „У насъ, отвѣчаетъ Матвѣй Матвѣичъ,— и думать нечего нанять работника. Башняковскій прикащикъ всю землю раздаетъ исполу. Земля отличная. Старые навозники. Это бы еще не бѣда. Мало ли кто раздаетъ исполу. Но тутъ маленькое обстоятельство, вслѣдствіе котораго всѣ добиваются взять землю именно тамъ, а не у другаго. Нынѣшней осенью прибѣгаетъ ко мнѣ крестьянинъ. —„Одолжите, говоритъ, мѣсяца на два, рубликовъ двѣсти“. — На что тебѣ? — „Да, признаться, говоритъ,— мы у Башняковскаго исполники. Такъ на сторону-то онъ опасается продавать копны съ поля. Стороннимъ въ примѣту будетъ. А мы и такъ съ ихняго поля домой хлѣбъ возимъ. Гдѣ жь стороннему за мной усчитать, сколько я поднялъ? Такъ онъ нашему брату по рублю копну ржи продаетъ. Сами изволите знать, лестно за эту цѣну получить копну, когда она для насъ 3 рубли стоитъ.“ — Разумѣется, заключилъ Матвѣй Матвѣичъ, я мужика прогналъ, тѣмъ не менѣе, у многихъ крестьянъ, по сю пору стоятъ скирды копенъ по 200 изъ Башняковской купленной ржи. Кто жь послѣ этого къ вамъ пойдетъ въ работники изъ вашего села? Кстати. Слыхивали ли вы объ обработкѣ экономической земли изъ 4-й

конны съ тѣмъ, что 3 копны поступаютъ въ пользу крестьянъ, и только 4-я въ пользу экономіи? Между тѣмъ, въ большой экономіи, подъ вѣдомствомъ управляющаго, намъ довелось видѣть подобную диковинку. То ли еще бываетъ! Въ той же экономіи ежегодно накашивается громадное количество сѣна, изъ котораго оставшаяся, къ новой уборкѣ, безъ употребленія, половина — *сжигается*. Спрашивается, зачѣмъ накашивать то, чего дѣвать некуда?—Въ виду того, что къ 15 ноября (къ заговѣнамъ), т. е. ко времени расчета прежнихъ и найма новыхъ рабочихъ, цѣны на рожь бываютъ низки, а на пшеницу высоки, вы, съ большими усиліями приготовивъ пшеничное поле, собрали 100 четвертей отличной пшеницы. Вы заранѣе торжествуете. На ближайшемъ, небольшомъ хлѣбномъ рынкѣ вамъ съ удовольствіемъ дадутъ по 8 р. за четверть. Но не успѣли вы еще показать обращика, какъ изъ за границы, пришла телеграмма въ абсентическое, большое имѣніе: „*денегъ, во что бы ни стало*“. Въ имѣніи, съ прошлогодней, непроданной пшеницей, набралось 2,000 четвертей. Вы просите съ единственнаго денежнаго торговца по 9 рублей, а онъ отвѣчаетъ: „Мы эва какую партію купили по 6-ти, а на вашу надо по четвертачку скинуть“. Но довольно примѣровъ. Какой же на практикѣ очевиднѣйшій результатъ абсентизма? И здѣсь онъ можетъ быть опредѣленъ a priori. Человѣку, получавшему 2/0 съ имѣнія, несомнѣнно выгодно продать его, капитализируя изъ 5/0, а покупающему изъ 5/0, выгодно извлекать изъ него 6/0, или 7/0. Ежедневный опытъ показываетъ, что на этихъ основаніяхъ, земли крупныхъ владѣльцевъ переходятъ въ руки всякаго рода мелкихъ промышленниковъ, въ томъ числѣ и крестьянъ. Прекрасно, скажете вы, капиталъ изъ неумѣлыхъ рукъ переходитъ въ умѣлыя. Новый хозяинъ, заплатившій, сравнительно, высокую цѣну, не можетъ, не разоряясь, довольствоваться прежнею доходностью имѣнія. Съ экономической точки зрѣнія возражать на это нечего.

Франція не умѣла хозяйничать, а Пруссія умѣла, и результатъ у всѣхъ на глазахъ. *Деньги къ деньгамъ*. Не все ли равно стоитъ ли X или У во главѣ предпріятія? Но въ сущности выходитъ

не все равно. Во 1-хъ, говоря вообще, земли, при подобной перемѣнѣ хозяина, нисходятъ на низшую степень способовъ хозяйства. Высшій способъ, требующій большой и разносторонней сообразительности, предполагаетъ извѣстную степень умственнаго и нравственнаго развитія, которой нельзя ожидать въ упомянутыхъ промышленникахъ. Если крестьяне иногда съ пользой перенимаютъ раціональные пріемы большихъ хозяйствъ, то это не болѣе какъ перениманіе, а инціатива все таки на сторонѣ людей болѣе развитыхъ. Правда, въ печати иногда появляются баснословные разсказы о чудесахъ крестьянскаго хозяйства, но въ сельскомъ хозяинѣ такія вѣсти возбуждаютъ только веселость. Такъ въ 3 №. Современной Лѣтописи отъ 18 Января 1871 года, г. Дубенскій, говоря о крестьянскомъ и господскомъ хозяйствѣ въ *Опольщинѣ*, Владимірской губерніи, разсказываетъ о крестьянскихъ молотилкахъ слѣдующее: „Молотилкамъ этимъ недостаетъ маховаго колеса, а часто вѣялки. Маховымъ и въ то же время приводнымъ, служитъ одно колесо, которое притомъ часто дѣлаютъ небольшаго поперечника, отъ чего ходъ и работа машины тяжела и требуетъ больше силы, хотя работа и чиста. Молотилка, при 3-хъ лошадяхъ и при 2-хъ или 3-хъ погонщикахъ, изъ мальчиковъ, дѣвочекъ или стариковъ и при 6-ти взрослыхъ рабочихъ, легко вымолачиваетъ, въ 10 рабочихъ часовъ въ сутки 6,000 сноповъ, *крупной вязи*, если только снопы заранѣе подвезены въ молотильный сарай. Въ противномъ случаѣ требуется еще 3 лошади и 3 рабочихъ, для подвоза. При 6 лошадяхъ и при 10 взрослыхъ рабочихъ подросткахъ или старикахъ легко успѣваютъ вымолотить и даже сыромолотомъ вывѣять, убрать солому и зерно, въ 12 часовъ въ сутки— 6000 сноповъ.“—Если бы это было такъ, то несмотря на упрекъ г. Дубенскаго, крестьянскимъ молотилкамъ въ неуклюжести и тяжести, онѣ на дѣлѣ превосходили бы всѣ существующіе молотильные снаряды. Для сравненія возмемъ нашу собственную молотилку, которую и по конструкціи и по результатамъ смѣло можно назвать очень хорошей. Въ продолженіи 12 часовой работы, въ сухой сентябрскій день, въ нее запрягаютъ 3 перемѣны по 4 лошади

заводскихъ матокъ, какихъ навѣрное нѣтъ у Владимірскихъ крестьянъ; кромѣ того двѣ перемѣны по 3 лошади подвозятъ снопы и одна или двѣ лошади ходятъ на вѣялкѣ, что составляетъ 20 лошадей. При этомъ, считая и погоньщиковъ, заняты молотьбой 30 человѣкъ и если нѣтъ задержки, обмолачивается 60 копенъ, т. е. 3120 сноповъ. И такъ, по словамъ г. Дубенскаго, Владимірская колотовка, при $^1/_3$ рабочей силы, молотитъ вдвое болѣе хлѣба противъ хорошей, т. е. превосходитъ послѣднюю въ механическомъ отношеніи въ 6 разъ. Воля ваша, тутъ что нибудь да не такъ, и едва ли можно строить теоріи на подобныхъ данныхъ.

Мы указали на матеріальныя неудобства, возникающія при переходѣ поземельной собственности изъ рукъ высшей интеллигенціи въ руки низшей. Справедливость требуетъ указать и на нравственныя, связанныя съ этимъ явленіемъ, такъ какъ нравственный элементъ въ жизни связанъ съ матеріяльными ея условіями. Въ равноправномъ гражданскомъ обществѣ всякаго рода монополіи и привилегіи не мыслимы, но подобная равноправность не въ силахъ лишить извѣстнаго рода имущество, присущихъ ему, качествъ. Какъ ни тасуйте землевладѣнія, а ему всегда и вездѣ присуще цивилизующее начало. Фразы: „Въ нашей *мѣстности, округѣ, участкѣ*, губерніи этого не слыхать, или такъ неводится—слышится повсюду. Но никто не слыхалъ тѣхъ же фразъ, въ приложеніи *къ нашему переулку, улицѣ или кварталу*. Чувство солидарности на столько же слышится въ первомъ случаѣ, на сколько его нельзя ожидать въ послѣднемъ. Самый заклятый крѣпостникъ изъ развитаго общества,—на словахъ, а быть можетъ и на дѣлѣ, заявляющій себя исключительно эксплоататоромъ поземельной собственности, носитъ въ душѣ глубокое убѣжденіе, что помимо коммерческихъ отношеній къ окружающей средѣ, на немъ лежатъ нравственныя обязанности иного свойства. Сила этого сознанія возвела и продолжаетъ возводить Россію на ту степень цивилизаціи, которой она достигла въ теченіи какихъ либо 150 лѣтъ. Самая печать, безпрерывно обращающаяся къ земству съ требованіями, конечно имѣетъ въ виду эту интелигенцію, а не безразличную массу, уже потому, что

до послѣдней, за ея безграмотностью, не дойдутъ никакіе возгласы. Можно говорить что угодно, но одно незнаніе или недобросовѣстность могутъ отрицать громадныя заслуги нашего земства. Земство размежеваетъ, судитъ, перевозитъ, лечитъ, учитъ грамотѣ и т. д. на свой счетъ, изыскивая, при своей скудости, новыя на это средства. Отрицать роль и значеніе интеллигенціи въ дѣлѣ землевладѣнія невозможно. Преградить путь свободному переходу собственности изъ рукъ въ руки одинаково немыслимо, въ интересахъ всѣхъ и каждаго. Но когда дѣло идетъ о желаніи, можно ли желать, чтобы поземельная собственность переходила къ лицамъ, неспособнымъ удовлетворять нравственнымъ обязанностямъ, связаннымъ съ этого рода имуществомъ? Негры на плантаціяхъ рѣдко жаловались на владѣльцовъ, постоянно жалуясь на ихъ прикащиковъ-негровъ. Тоже самое повторялось у насъ при крѣпостномъ правѣ. Это не случайность, а неизбѣжная сила вещей. Мы не видали хозяйства крестьянина, купившаго въ прошломъ году 1800 десятинъ и собравшагося сломать прекрасную господскую усадьбу. Мы готовы вѣрить, что этотъ крестьянинъ отличнѣйшій человѣкъ, но вполнѣ увѣрены, что съ его полей ни кто неувезетъ лишняго снопа и что онъ не поцеремонится взыскать, слѣдующее ему по закону, съ своего брата крестьянина. За то мы ежедневно видимъ примѣры самой безпощадной эксплоатаціи крестьянъ лицами низшей интеллигенціи. Въ этомъ случаѣ отсутствіе преданій образованной среды кидается въ глаза и самая грамотность такихъ лицъ оказывается орудіемъ эксплоатаціи.

— „Вотъ крестьянинъ Сидоровъ, говоритъ судья, обращаясь къ пятерымъ крестьянамъ отвѣтчикамъ,—ищетъ съ васъ 32 руб. взятыхъ въ долгъ въ разное время. Желаете вы формальнаго разбирательства или думаете кончить миромъ?“

Одинъ изъ крестьянъ. Мы и сами не знаемъ, зачѣмъ онъ насъ на судъ тягалъ. Кажется завсегда ублаготворенъ нами. Развѣ мы отъ долгу отказываемся? Мы ему и дома—говорили. *Сидоровъ.* Говорить то говорили, да не отдаете. Ты ничего не калякай, а деньги то отдай. — *Судья* одному изъ отвѣтчиковъ: Петровъ!

вы должны 30 руб.? *Петровъ*. Долженъ.—*Судья*. А еще 30 руб.? *Петровъ*. Долженъ. *Судья*. Когда жъ вы отдадите? *Петровъ*. Къ Масляной 30, да къ Петрову дню 30. *Сидоровъ*. Нѣтъ, я ждать не могу. Мнѣ самому нужны деньги. *Судья*. Петровъ! я вамъ разсрочиваю уплату на ваши сроки. *Сидоровъ*. Нѣтъ я недоволенъ. *Судья*. Это ваше дѣло. Но уплата разсрочена. *Петровъ Сидорову*. Вѣдь 14 руб. получилъ проценту? *Сидоровъ*. Это что? Это годовые за тѣ 30, а за другіе 30?" Оказывается, что другіе 30, заняты въ Февралѣ и имъ еще и году нѣтъ. Отвѣтчики, какъ видно, далеко не безнадежные плательщики, но при настоящемъ положеніи дѣла, человѣкъ иного, чѣмъ Сидоровъ разбора, не пуститъ капитала въ такое рискованное дѣло. Другой примѣръ.

На судѣ грязноодѣтый человѣкъ, съ руками незнающими мыла, владѣющій до 2000 десятинъ, частью на свое, частью на чужое имя. Крестьянинъ другой годъ ищетъ съ него недоплоченныхъ 100 руб. за раскопку пней и раскирковку поля, по письменному условію, въ которомъ неопытный крестьянинъ обязался раскирковать землю и *выбрать* коренья. Въ условіи сказано не *выбирать*, а *выбрать*, чего очевидно невозможно исполнить сразу. Въ прошломъ году разбирательство отложено было за невозможностью освидѣтельствовать поле, засѣянное пшеницей. Въ настоящее время отвѣтчикъ, владѣлецъ доказалъ, что были выпаханы *два* корня и потому не только отказывался отъ расчета по заработку, но требовалъ условленной неустойки въ 200 рублей. На предложеніе мировой, отвѣтчикъ, засунувъ грязный палецъ, въ карманную книжку законовъ, восклицаетъ: „Помилуйте, это потачка мужикамъ! *Какой же это прогресъ? Это нашъ прогресъ убѣжалъ у лѣсъ*". Раскрывая книгу читаетъ: *Договоры должны быть изъясняемы по словесному ихъ смыслу*. *Судья*. Прошу васъ воздерживаться отъ неприличныхъ выраженій. *Отвѣтчикъ*. Извините г. Судья; Мы люди необразованные; учены на липовый грошъ. Тонко говорить неумѣемъ. Дѣло кончается миромъ. Затѣмъ тотъ же отвѣтчикъ, являясь въ качествѣ истца, предъявляетъ штукъ 20 не-

исполненныхъ крестьянами договоровъ. Крестьяне признаютъ неисполненіе. Возмемъ для примѣра одинъ. *Судья.* Миронычевъ! Вы невыставили двухъ подводъ? *Мир.* Точно. Невыставили. *Судья.* Здѣсь сказано, неустойки по 1 рублю съ подводы. *Мир.* Точно, батюшка. *Судья.* Нежелаете ли расчесться? *Мир.* Гдѣжь, батюшко! расчесться? —Отработаемъ.— Лучъ радости загорается въ глазахъ истца. *Судья.* Не сойдетесь ли миромъ? *Всѣ крестьяне.* Чтожъ, мы съ великимъ удовольствіемъ. *Истецъ.* Г. Судья, позвольте намъ удалиться для совѣщанія. Черезъ $^1/_4$ часа стороны заявляютъ объ окончаніи дѣла міромъ. Миронычевъ обязуется, по зимнему пути, выставить 4 подводы подъ хлѣбъ, съ неустойкой по рублю за каждую. Всѣ остальныя мировыя въ томъ же родѣ. Истецъ знаетъ напередъ, что условіе будетъ исполнено на половину и представитъ такимъ образомъ perpetuum mobile. Согласитесь, что рѣдкій владѣлецъ изъ болѣе развитаго круга согласится на такого рода обороты, а если бы и согласился, не имѣлъ бы такого успѣха. Мы съ вами непойдемъ въ кабакъ заключать сдѣлки. Мы не знаемъ въ подробности всѣхъ домашнихъ обстоятельствъ даннаго крестьянскаго семейства, а эти люди все это знаютъ и всюду пойдутъ. Виртуозность ихъ на этомъ поприщѣ по истинѣ изумительна.

Передъ судьей 12 человѣкъ крестьянъ.

Судья. Ну что? опять съ жалобой на Рыбина? *Всѣ разомъ.* Что, батюшко! измучилъ. *Судья.* Не говорите разомъ. Вѣрно Артемову опять довѣряете говорить? *Всѣ.* Довѣряемъ. Чегожъ не довѣрить? *Судья.* Зачѣмъ вы Артемовъ ходите ко мнѣ артелью, коли не слушаете моихъ совѣтовъ? *Артемовъ.* Чтожъ намъ, батюшко, дѣлать. Разорилъ. *Судья.* Сколько вы разъ были у меня изъ за прошлогоднихъ 362 руб. *Арт.* Разъ должно быть 6 были? *Судья.* Почему? *Арт.* Да все онъ бѣгалъ отъ повѣстокъ, въ другой уѣздъ, на другую конторскую карьеру. *Судья.* Получили вы отъ меня 362 руб. которые я вытребовалъ отъ главной

конторы? *Арт.* Получили. Много довольны. *Судья.* Что говорилъ на судѣ повѣренный отъ главной конторы, выдавая деньги? *Арт.* Да, знать, говорилъ, что Рыбинъ разочтенъ конторой и она за него больше не въ отвѣтѣ. *Судья.* Что я говорилъ вамъ тогда? *Арт.* Извѣстно, что. *Судья.* Что же, извѣстно? *Арт.* Добру учили. *Судья.* Говорилъ я вамъ, что у Рыбина въ городѣ никакого дома и имущества нѣтъ и что если вы будете запускать за нимъ расчеты, то придете опять сюда и получите пустой исполнительный листъ? *Арт.* Говорили. *Судья.* Говорилъ я, что вы къ хорошему хозяину непойдете, а отыщите такого, съ которымъ придется плакать? *Арт.* Истинная правда. Говорили. *Судья.* Послѣ этого искали вы у меня, зимой, съ Рыбина 175 руб.? *Арт.* Искали и исполнительный листъ получили. Онъ вотонъ. *Судья.* А еще что я сдѣлалъ по этому листу? *Арт.* Застоновили въ карьерѣ Рыбинскій камень. *Судья.* Но много ли, по вашему было камня?. *Арт.* Рублей на 150 знать было. *Судья.* Куда же онъ дѣвался? *Арт.* Объегорилъ—т. е. во какъ объегорилъ. *Судья.* Т. е. вы же сами на своихъ подводахъ свезли Рыбину камень въ Орелъ. Онъ получилъ деньги, а отъ васъ ушелъ и вы вернулись съ пустыми руками? *Арт.* Знатно объегорилъ. Съ тѣмъ, что говоритъ, собственно для васъ дѣлаю. Хочу по божьему расчитаться. Здѣсь, говоритъ, съ укціону за него и половины что я вамъ долженъ не дадутъ, а тамъ говоритъ, прямо въ конторѣ получайте у подрядчика. Свалили мы на чей то дворъ, а пришли въ контору, насъ въ шею. Вотъ и исполнительный листъ. *Судья.* Теперь кромѣ этихъ 175, вы еще наработали у того же Рыбина въ карьерѣ на 140 рублей, такъ или нѣтъ? *Арт.* Такъ точно. *Судья.* Есть въ карьерѣ неподнятый камень? *Арт.* Какой тамъ камень съ полсаженки плитняку можетъ наберется. *Судья.* А гдѣ самъ Рыбинъ? *Арт.* А ктожъ его знаетъ. Вотъ уже недѣли съ двѣ завертѣлся куда то. Такъ мы къ вашей милости. *Судья.* Узнайте гдѣ Рыбинъ, тогда приходите, а теперь не приму вашей просьбы. *Арт.* Гдѣ жъ намъ его искать? *Судья.* Это не мое дѣло, вамъ

въ просьбѣ отказано. Ступайте. *Всѣ.* Гдѣ жъ намъ теперь, Господи, суда искать? (уходятъ).

За время нашей судейской дѣятельности дѣлъ до 500 съ подобнымъ характеромъ перешли черезъ наши руки. По всей линіи Орловско-Елецкой дорогѣ между ст. Золоторевой и Архангельской взысканы въ пользу крестьянъ, по суду, десятки тысячъ съ разныхъ второстепенныхъ и мелкихъ подрядчиковъ по производившимся работамъ и по сей день много исполнительныхъ листовъ лежатъ безъ дѣйствія, частью по несостоятельности подрядчиковъ, а частью потому, что они съумѣли на полученные изъ главной конторы деньги накупить недвижимости на чужое имя. Такъ одинъ изъ нихъ должный Золоторовскому обществу болѣе 2000 р. купилъ, какъ мы слышали, 400 дес. земли, Между тѣмъ жалобъ на неуплату землевладѣльцами задѣльной платы рабочимъ почти нѣтъ и не было случая, чтобы правильная жалоба рабочаго въ этомъ смыслѣ, осталась безъ удовлетворенія.

Причины такого явленія объясняются всѣми условіями подобныхъ исковъ. Землевладѣлецъ нерасчитывающій рабочаго — рискуетъ остаться безъ рабочихъ, которыхъ нанимаетъ постоянно въ извѣстномъ околодкѣ. Искъ обращается къ недвижимости, которая никуда скрыться не можетъ. Такія дѣла разбираются въ короткій срокъ и за неисправность опредѣлено закономъ огромное взысканіе съ неправаго отвѣтчика.

Сказаннаго достаточно, чтобы судить о степени важности земледѣлія въ кругу другихъ дѣятельностей. Степень эта такъ высока, что составляетъ единственную, существенную, тогда какъ всѣ другія по отношенію къ ней являются второстепенными и вспомогательными. Послѣ потребности дышать, удовлетворяемой помимо воли организма, первая потребность ѣсть т. е. жить, какъ показываетъ самое тождество этихъ понятій и выражающаго изъ глагола въ древнихъ и новыхъ языкахъ: *пѣсть и есть*.

Земледѣліе въ сущности не какая либо потребность жизни, оно

сама жизнь. Изъ этого неоспоримаго положенія вытекаютъ два слѣдствія. 1-е. Въ земледѣльческомъ государствѣ поощрять земледѣлія нельзя, какъ нельзя поощрять жизнь. 2-е. Въ такомъ государствѣ ни одинъ спеціальный дѣятель, если онъ искренно желаетъ успѣха даже своей спеціальности, не долженъ ступить шагу, не оглянувшись на земледѣліе и не сообразивъ, не можетъ ли это вредно подѣйствовать на послѣднее. Крестьянская реформа, желѣзныя дороги и новое судопроизводство до того измѣнили коренныя условія нашего земледѣлія, что его безъ преувеличенія можно назвать дѣломъ новымъ. За послѣдніе 10 лѣтъ оно кидается по всѣмъ направленіямъ, отыскивая новыхъ путей, и не только не отыскало ихъ окончательно, какъ по отношенію производства, такъ и по отношенію къ сбыту, но едва ли еще настало время опредѣлить эти пути въ будущемъ. Еще далеко ему до того квіетизма рутины, въ которыхъ оно покоится на Западѣ и которымъ такъ любовались наши поэты до крестьянской реформы. У насъ, гдѣ большинство нивъ находятся въ рукахъ, сравнительно съ крестьянами, крупныхъ владѣльцевъ, послѣднимъ теперь или никогда, время взглянуть на это дѣло со всей серьозностью, какого оно ожидаетъ.

Пора понять ту простую истину, что у насъ арендаторовъ, прикащиковъ и старостъ не только нѣтъ, но надолго и быть не можетъ. Всѣ эти люди у насъ могутъ только быть посредствующими орудіями хозяина и могли быть самостоятельными дѣятелями только въ области рутины. Но туда, гдѣ первымъ дѣятелемъ является нравственная личность, гдѣ любовная, справедливая и цивилизующая дѣятельность неминуемо должна ложиться краеугольнымъ камнемъ всего дѣла, посылать вмѣсто себя другаго—немыслимо. Отсутствующій владѣлецъ еще можетъ, съ грѣхомъ пополамъ, держать себя такъ, чтобы пензенскіе его арендаторы или прикащики его любили, но послать туда такого прикащика, который вызвалъ бы любовь окрестнаго населенія къ отсутствующему неаполитанцу—мудрено. Въ этомъ случаѣ, личный интересъ

перваго крупнаго землевладѣльца крестьянина, или мѣщанина выставитъ его непобѣдимымъ конкуррентомъ, хотя и въ ущербъ общему дѣлу. Тамъ гдѣ дѣло идетъ объ цивилизующемъ призваніи землевладѣльческой среды, изъ которой исходитъ судъ и главные земскіе дѣятели—нельзя вмѣсто себя посылать другаго. Тутъ надо или добросовѣстно отказаться отъ дѣла, или запасшись основательнымъ общечеловѣческимъ образованіемъ, какое даютъ одни университеты—поступить на добросовѣстное служеніе. Въ этомъ случаѣ высшее университетское образованіе далеко не прихоть, не роскошь, какими оно было до реформы, а насущная потребность, которой обойти нельзя, если у страны есть будущность. Не служебная карьера съ ея чинами, а самое дѣло этого требуетъ и нельзя достаточно благодарить настоящее министерство народнаго просвѣщенія за его серьозный взглядъ на высшее образованіе. Можно положительно сказать, что терпимое прежде: Мы всѣ учились по немногу чему нибудь и какъ нибудь"—къ которому и то съ грѣхомъ пополамъ могутъ быть прировнены какія то *мнимо-реальныя* гимназіи, отнынѣ не можетъ быть терпимо въ качествѣ условій для публичной дѣятельности. Ремесленники могутъ учиться *чему нибудь и какъ нибудь*, но люди, призванные вести народъ по всевозможнымъ путямъ преуспѣянія, обязаны пройти школу высшаго образованія. Если современные землевладѣльцы этого непоймутъ и увлекаясь мыслію, что во вѣки вѣковъ можно отсидѣться въ мѣстномъ кругу личныхъ вкусовъ и удовольствій, то такимъ невѣрнымъ расчетомъ они не измѣнятъ сущности дѣла, а только на неопредѣленное время задержатъ неизбѣжный ходъ его. Крестьянинъ, купившій 2,000 десятинъ на берегу Оки, сначала хотѣлъ сломать прекрасный господскій домъ и уничтожить усадьбу, а теперь проситъ за нее 30 тысячъ и говоритъ, что продать ее, значитъ изгадить все имѣніе. Если онъ самъ, ходящій лѣтомъ въ бараньей шапкѣ, въ одинъ годъ понялъ въ чемъ дѣло, и держитъ для сына рысаковъ, при наѣздникѣ въ 25 руб. въ мѣсяцъ, то повѣрьте, что внукъ его силою вещей будетъ приведенъ на лекціи Пиндара

и философіи. Не напоминаетъ ли вамъ, читатель, этотъ крестьянинъ съ сыномъ другаго, выведеннаго Аристофаномъ *въ Облакахъ*.

И тамъ, рысаки и новая обстановка жизни вынуждаютъ отца отдать сына въ школу Сократа. Ничего нѣтъ новаго подъ солнцемъ и сила одинаковыхъ обстоятельствъ приводитъ къ одинаковымъ результатамъ.

Единственно въ интересахъ земледѣлія рѣшаемся сказать нѣсколько словъ объ одномъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, стоящихъ теперь на очереди. Мы говоримъ объ общей военной повинности. Эта мѣра можетъ какъ прямой источникъ народнаго образованія оказать странѣ неисчислимыя благодѣянія. Она ослабитъ то безнравственное чувство отвращенія къ дѣлу государственной обороны, которое заявляло себя въ народѣ такими дѣйствіями, какъ на пр. членовредительство. — Но всѣхъ этихъ благъ можно только ожидать при одномъ условіи. Сроки службы должны быть уменьшены до послѣдней крайности, но за то въ теченіи этого срока человѣкъ долженъ быть непрерывно на службѣ. Если трудно однажды въ жизни оторваться отъ насиженной среды, то подвергаться такимъ хозяйственнымъ кризисамъ по нѣскольку разъ — слишкомъ тяжело.

V.

МАТВѢЙ МАТВѢИЧЬ.

Можно ли во всѣхъ отношеніяхъ лучше удовлетворить предсказаніямъ, чѣмъ исполнилъ это 1870 годъ, нынѣ канувшій въ вѣчность. Всю осень дождь лилъ какъ изъ ведра. Хлѣбная уборка производилась урывками и съ необыкновеннымъ напряженіемъ, а молотьба съ половины сентября, должна была остановиться до морозовъ. Около половины ноября, въ ненастную погоду, по невылазной грязи, намъ, съ письмоводителемъ пришлось ѣхать верстъ за 30, на разбирательство щекотливаго дѣла, требовавшаго осмотра на мѣстѣ. Хотя мы стороною знали, что все дѣло было salto mortale промахнувшагося подрядчика и гражданскій искъ основывался на неопредѣленномъ выраженіи контракта, а уголовное об-

виненіе оказывалось чистой клеветой, но какъ клевета относилась къ женщинѣ, пользующейся всеобщимъ, заслуженнымъ, уваженіемъ, то задача состояла не въ одномъ оправданіи обвиняемой, а въ непремѣнномъ, безусловномъ окончаніи дѣла мировою. Порядочная женщина не можетъ равнодушно относиться къ таскапію ея имени по публичнымъ засѣданіямъ, хотя бы вслѣдствіе явной клеветы и судъ не долженъ упускать изъ виду этой стороны дѣла. Разбирательство было назначено въ домѣ обвиняемой. Ночевать тамъ было негдѣ, а произвести осмотръ и обмѣръ въ полѣ, спросить до 30 свидѣтелей и разобрать сложное дѣло, проѣхавъ по невылазной грязи 60 верстъ, все это въ одинъ день тоже невозможно. Къ этимъ соображеніямъ присоединялась боязнь за женское судоговореніе, отличающееся, какъ бы это покороче сказать,—излишней субъективностью. Размышляя о способахъ избѣжать двойнаго неудобства, мы остановились на мысли ночевать на полу-пути, у Матвѣя Матвѣича и просить его принять на себя защиту знакомой ему особы. Матвѣя Матвѣича Хрящева я зналъ еще лихимъ гвардейскимъ корнетомъ, владѣтелемъ славнаго, въ свое время, орловскаго жеребца Ашонка. Въ настоящее время Матвѣю Матвѣичу лѣтъ подъ 40. Онъ давно въ отставкѣ, отецъ семейства и ревностно принялся за устройство наслѣдственнаго имѣнія. Хорошо владѣя новыми языками, особливо нѣмецкимъ, онъ много и съ толкомъ читаетъ, но охотно говоритъ только о практическихъ сторонахъ жизни. Подвижной, какъ ртуть, онъ дома не посидитъ на мѣстѣ и постоянно ищетъ производительнаго занятія. Онъ вѣчно въ полѣ, на гумнѣ, въ коровникѣ, въ саду, или въ кабинетѣ за письменнымъ столомъ надъ контрактами, планами, со счетами, ключами или деньгами въ рукахъ, а не то на крыльцѣ предъ собравшимися рабочими. Даромъ онъ не истратитъ лишней копѣйки, но тамъ, гдѣ предпріятіе обѣщаетъ успѣхъ, онъ не задумается пустить въ оборотъ тысячи. Лѣтъ уже десять принялся онъ перестраивать свою старинную усадьбу, каждый годъ у него стройка и, надо сказать правду, все строится отлично. Ближайшіе сосѣди Матвѣя Матвѣича говорятъ: дай Богъ ему поскорѣй от-

строиться;—онъ такъ пристрастился къ постройкамъ, что когда у него нечего будетъ строить, онъ вѣрно перестроитъ наши усадьбы. Еще до открытія въ нашей мѣстности желѣзныхъ дорогъ, мы всѣ покупали сажень березовыхъ дровъ по 8 рублей. Матвѣй Матвѣичь, по поводу значительнаго маслобойнаго производства. запасся большимъ количествомъ березовыхъ дровъ.—„Матвѣй Матвѣичь, почемъ берете сажень?“—„По 12 рублей“ — „Да вѣдь это въ $1\frac{1}{2}$ раза дороже нашего!“—„А по моему вдвое дешевле. Я принимаю сажень у себя на дворѣ, а вы въ лѣсу. Тамъ онъ вамъ наберетъ лицевую сторону сажени, а сзади и не смотри; да кромѣ того, что ему за дѣло, что при перевозкѣ у васъ раскрадутъ дрова. А тутъ онъ 3 раза въ недѣлю пріѣдетъ посмотрѣть, куда идетъ его лѣсъ. Посмотрите-ка мою кладку. Если вы хоть одно лишнее полѣнце помѣстите въ мою сажень, я заплачу вамъ 100 рублей“.

Всѣ переняли методу покупки дровъ у Хрящева. Разумѣется, несмотря на свою практическую дѣятельность, Хрящевъ, при непрестанномъ отыскиваніи новыхъ путей дѣла, нерѣдко попадалъ въ непроходимыя мѣста. Но въ такихъ случаяхъ онъ упорно молчитъ объ убыткахъ. На словахъ онъ постоянный оптимистъ.

Послѣ обѣда выѣхали мы изъ дому и часовъ въ 7 вечера, въ потьмахъ, добрались до усадьбы Хрящева. У главнаго подъѣзда большаго дома насъ кто-то окликнулъ. — Тутъ, вѣрно, нельзя пройдти? спросили мы сторожа.—„Точно такъ,—стройка.“—Покажи, любезный, гдѣ-же можно пройдти.—„Пожалуйте за мною на тотъ конецъ“.—Тарантасъ шагомъ зашлепалъ къ противоположному углу дома. Изъ погреба мелькнулъ фонарь и, ползя къ намъ на встрѣчу, подъ проливнымъ дождемъ, освѣщалъ скользкую полоску по грязи положенныхъ досокъ.—„Ниже свѣти!“—крикнулъ фонарю дворникъ, помогавшій намъ выйдти изъ тарантаса. „Извольте ступать по доскамъ“, прибавилъ тотъ же голосъ, обращаясь къ намъ. Держась рукою за, мѣсившаго грязь, дворника и стараясь не соскользнуть съ узкой тропы, мы припомнили Блондена на канатѣ. Доски привели насъ къ дверямъ подвала. —

„Сюда, пожалуйте сюда“, сказалъ фонарь, освѣщая скользкія каменныя ступени. Хватаясь за что попало, мы стали спускаться. Дверь отворилась и мы очутились въ каменномъ подвалѣ, слабо освѣщенномъ ручною лампой. Оглядѣвшись немного мы увидали вверху подвала свѣтлое отверстіе, къ которому вела новая, дѣвственно-чистая лѣстница. На верхней площадкѣ, въ яркомъ освѣщеніи, стоялъ Матвѣй Матвѣичь.—„Извините, ради Бога“, торопливо проговорилъ онъ намъ на встрѣчу. — „Хорошо, что вы насъ предупредили. У насъ такой хаосъ съ этой постройкой. Какъ вы не сбились съ дороги въ такую ужасную погоду? Въ бель-этажѣ, до сихъ поръ, нѣтъ свободнаго угла и потому позвольте васъ просить на мезонинъ, который доведенъ до степени обитаемости“.—Пока мы раздѣвались, Матвѣй Матвѣичь уже засуетился по другому поводу.—„У васъ назначено разбирательство“, сказалъ онъ, обращаясь къ намъ; „но гдѣ-же вы будете разбирать?“—Здѣсь, въ этой передней; чѣмъ это не камера? Прикажите только поставить столъ и стулья, а въ портфелѣ у насъ все нужное для разбирательства.—„Этимъ я сейчасъ распоряжусь“, сказалъ Матвѣй Матвѣичь. „Если вы обѣдали, такъ пойдемте на верхъ къ женѣ и сейчасъ подадутъ самоваръ“.—Нѣтъ,. лучше покажите ваши работы въ бель-этажѣ. Отсюда слышно какъ тамъ строгаютъ, пилятъ, рубятъ,—а потомъ прямо приступимъ къ разбирательству. Тяжущіеся вѣрно собрались. Дѣлъ немного и въ перспективѣ самоваръ и отдыхъ. Такъ будетъ гораздо удобнѣе и пріятнѣе, чѣмъ наоборотъ.—„Пусть будетъ по вашему“,—отвѣчалъ Матвѣй Матвѣичь, отворяя дверь во внутреннія покои, наполненные рабочими. Мы вступили въ царство досокъ, взгроможденныхъ паркетинъ, стружекъ, кирпичу и пыли. Всѣ работы производились въ наилучшемъ видѣ. Видно было, что хозяинъ ничего не жалѣетъ и зорко за всѣмъ слѣдитъ.—„Кажется,“ — смѣясь, замѣтилъ Матвѣй Матвѣичъ, „первымъ на разбирательствѣ явится вашъ давнишній знакомый, бывшій воспитанникъ Горыгорецкаго института, мой прикащикъ на отдѣльномъ хуторѣ. Набрался онъ разныхъ умныхъ словъ, но въ сущности довольно безтолковый че-

ловѣкъ. Намедни устраивали на хуторѣ новый колодезь съ насосомъ. Пріѣзжаю и вижу, что дѣло не ладится. Спрашиваю, не послать ли за мастеромъ?—„Помилуйте“, отвѣчаетъ Горыгорецкій, „зачѣмъ-же.—Это такъ просто—при давленіи на рычагъ, образуется въ трубкѣ цилиндра торичелліева пустота. Я это самъ могу устроить“. Съ тѣмъ я и уѣхалъ.—Ну что, спрашиваю я черезъ два дня,—уладилъ насосъ? — „Нѣтъ-съ. Нижній клапанъ какъ-то неладится“.—„Эхъ братъ, говорю я, торичелліева пустота-то я вижу у тебя въ головѣ.—Онъ меня ужасно боится“.

Импровизированная камера была готова. Горыгорецкій обвинялъ крестьянина въ угрозѣ нанести ему удары, бывшимъ въ рукахъ рычагомъ и въ произнесеніи словъ: лошади твоей хвостъ отрѣзали, такъ смотри какъ бы тебѣ голову не отрѣзали.—Крестьянинъ ничего не отрицалъ, говоря, что былъ пьянъ и ничего не помнитъ. Свидѣтели подтвердили обвиненіе. Обвинитель даже обидился предложеніемъ мировой. Услыхавъ, что крестьянинъ приговоренъ къ мѣсячному аресту, Горыгорецкій пришелъ въ негодованіе.—„Помилуйте, я не доволенъ!“—восклицалъ онъ.—Чѣмъ?—„Какъ же можно: ну еслибъ онъ мнѣ голову отрѣзалъ?—Матвѣй Матвѣичь сказалъ, что онъ семью бы мою кормить не сталъ. Говоритъ: и тебя-то даромъ кормлю.“—Это сюда не относится. Вы недовольны, подавайте отзывъ на съѣздъ. Но едва-ли это къ чему либо поведетъ: присуждена высшая мѣра взысканія.—„Помилуйте!“ — Черезъ часъ разбирательства кончились и тяжущіеся ушли.—Явилась баба, лѣтъ 50.—Что вамъ угодно?—„Уйми ты его, батюшка, отецъ родной!“ — Кого?—„Мужа моего лиходѣя. Пропилъ онъ меня грѣшную совсѣмъ. Тащитъ все изъ дому. Въ прошлую субботу пошла я въ чуланчикъ, глядь—изъ моего сундука пробой вырванъ и холсты повынуты. Говорю ему: это ты, разбойникъ, холсты повытаскалъ.—Я, говоритъ, а тебѣ что за дѣло? говоритъ. А у меня, мой батюшко, въ одномъ холстѣ зашито было 15 рублей. Жизнь свою положила на эти деньги. Не доѣла, не допила ихъ припасала на черный день, а онъ, врагъ-то, пропилъ холстъ и не въ домекъ что тамъ деньги“.—Куда-

же онъ его снесъ?—„Да ктожъ его знаетъ“.— Были вы въ волости.—„Была, батюшко!“ говорятъ: отбузуемъ тебя розгами, коли опять придешь. Все мужнино и ты сама мужнина“.—Не могу принять вашей жалобы. Это волостное дѣло. „Куда-жъ я теперь пойду?“

Въ корридорѣ насъ встрѣтилъ Матвѣй Матвѣичъ.—„Мой рядчикъ, плотникъ, хочетъ обратиться къ вамъ съ жалобой. Рабочій, изъ сосѣдняго уѣзда, взялъ у него 15 руб. задатку, на работу нейдетъ и все говоритъ: отдамъ деньги, а не отдаетъ. Нельзя ли ему помочь?“

— Можно. Онъ сейчасъ получитъ повѣстки, а завтра, вечеромъ, разберемъ. Въ мезонинѣ Матвѣй Матвѣичъ, съ обычными извиненіями, указалъ на предназначенныя намъ спальни, ненуждавшіеся, по полнѣйшему комфорту, ни въ какихъ извиненіяхъ. Черезъ корридоръ, въ большой, еще нештукатуренной комнатѣ, любезная хозяйка ожидала насъ за самоваромъ.

Только тотъ, кто въ осеннюю ночь ѣзжалъ по нашимъ черноземнымъ проселкамъ, пойметъ какъ отрадно войти въ свѣтлую, теплую комнату къ привѣтливымъ хозяевамъ—и наслаждаться контрастомъ непосредственно окружающаго съ тѣмъ, что происходитъ за надежными стѣнами. Не будучи записнымъ архитекторомъ, можно было полюбоваться изяществомъ плотничьей и столярной работы въ комнатѣ.—Ну, батюшка, Матвѣй Матвѣичъ, честь вамъ и слава. Такой добросовѣстной работы намъ давно не приходилось видѣть, да еще среди степи.

— „Вѣдь хлопотливо! — воскликнулъ Матвѣй Матвѣичъ.—Я довольно терпѣливъ, а и мнѣ надоѣло съ нашимъ народомъ; — это адъ“.

— Очень радъ вашему восклицанію. Оно даетъ мнѣ поводъ предложить вопросъ, на который жду откровеннаго отвѣта. Я знаю, что у васъ нынѣшней весной сожгло грозою конюшни и скотный дворъ и что все это въ отличномъ видѣ выстроено вновь. Скажите, возможно-ли было все это исполнить въ періодъ, слѣдо-

вавшій за крестьянской реформой и предшествовавшій новому судопроизводству?

— „Вы хотите, чтобы я въ вашемъ лицѣ сказалъ комплиментъ новому суду?“ — Вы шутите — а я говорю серьезно. „А серьезно тутъ не можетъ быть сравненія. Теперь трудно, а тогда было невозможно. Мировые судьи намъ необходимы какъ пугалы на огородѣ, хотя въ степи подъ часъ далеко и трудно до нихъ добраться. Признаюсь, самого меня подъ часъ подмываетъ дать какому нибудь сельскому дѣятелю тумака, но какъ подумаешь, что дѣло можетъ дойти до суда,—и положить гнѣвъ на милость. Въ первое время реформы нѣкоторые хозяева такъ и нанимали съ *боемъ*,—но теперь юридическія понятія распространились и такими незаконными вставками не пестрятъ условій“.

— Да, господа! человѣкъ вѣчно недоволенъ настоящимъ, но хорошее и худое узнается по сравненію.

— „Не хотите-ли для сравненія отвѣдать этихъ кренделей“! замѣтила хозяйка.

— „На то и суды, чтобы охранять насъ“, — замѣтилъ Матвѣй Матвѣичь.—Безспорно. Но только общество нерѣдко требуетъ отъ судей помощи тамъ, гдѣ у нихъ руки связаны. Тамъ гдѣ онѣ развязаны,—дѣла идутъ гладко. Вспомните потравы. Это были формальныя войны, съ ночными набѣгами, засадами и кровавыми отступленіями. Теперь о подобныхъ вещахъ не слыхать. Прошлымъ лѣтомъ мѣщанинъ подалъ жалобу на крупнаго землевладѣльца, котораго стадо зашло на паръ истца и слѣдовательно не могло причинить большаго убытка. По расчету въ повѣсткѣ значилось, что за мнимую потраву слѣдуетъ съ землевладѣльца 40 рублей. Знаете-ли какой былъ результатъ?

— „Очень хорошо знаю“, —отвѣчалъ Матвѣй Матвѣичь. — „Тесть мой, потому что дѣло идетъ о немъ, прислалъ со старостой письмо, со вложеніемъ 40 рублей въ пользу истца. Это такъ. Эта статья въ порядкѣ, но вы сказали, что судьи лишены возможности помогать намъ насколько бы желали. Я не догадываюсь, на что вы намекаете“?

— Тутъ нечего намекать. Стоитъ только указать на недостаточность солидарности между судомъ и исполнителями другаго вѣдомства, напримѣръ: полиціей и волостными старшинами. Мы можемъ ихъ предавать суду за извѣстную каплю неисправности и судъ, послѣ долгой переписки, присудитъ извѣстную каплю взысканія, не взирая на то, что эти капли падаютъ проливнымъ дождемъ и въ совокупности портятъ дѣло. Этого мало. У васъ въ рукахъ исполнительный листъ. Вы являетесь къ исполнителю и тотъ прямо вамъ говоритъ: дай 25 рублей — сейчасъ взыщу, а безъ этого не поѣду.—Вы идете къ судьѣ.—При комъ онъ это говорилъ? Разумѣется глазъ на глазъ. — Не угодно-ли возбудить формальное дѣло?—Клевета на письмѣ.—„Какъ вы мнѣ посовѣтуете поступить?“ спрашиваютъ судью. „У меня украли хомуты, выдернувъ пробой изъ притолки“.—Къ слѣдователю. — Взломъ. Неподсудно.—„Но вѣдь слѣдователь пріѣдетъ пожалуй черезъ полгода, когда всѣ слѣды воровства исчезнутъ. Вы бы тутъ же на мѣстѣ и скоро разобрали дѣло. А то пойдутъ таскать прислугу въ свидѣтели въ уѣздъ—и все таки кончится ничѣмъ. Не можете ли вы разобрать“.—Не могу —„Ну такъ я и заявлять не стану полиціи“.—Какъ вамъ угодно.—Можно еще указать на неудобство другаго рода. Вы ѣдете по степи. Надъ вами произведено насиліе. Вы жалуетесь стороннимъ лицамъ, свидѣтелямъ происшествія, но по обстоятельствамъ не можете остановиться и ѣхать къ судьѣ. Обстоятельства со всѣми уликами доходятъ до судьи — и онъ не можетъ ничего сдѣлать, потому что нѣтъ обвинителя. Знаете Чижовскую гору, на старой Курской дорогѣ?—Какъ не знать. Около самой дороги земство отдало песочную карьеру рядчику на Елецкую чугунку—и они тамъ, рядомъ съ дорогой разрыли страшный оврагъ“.

— Про этотъ-то оврагъ я и хочу разсказать. Прикащикъ подрядчика вмѣсто того, чтобы считать свою работу пришельцемъ на большой дорогѣ, сталъ считать проѣзжихъ пришельцами и между прочимъ остановилъ малороссіянина съ воловыми подводами, подъ предлогомъ, что фуры, проѣзжая по дорогѣ, преградили путь пес-

чанымъ подводамъ. Хохолъ былъ явно въ своемъ правѣ. Онъ ѣхалъ по большой дорогѣ, но прикащикъ требовалъ съ него штрафъ за минутную пріостановку возки, а когда хохолъ на это не согласился, отнялъ у него свитку и ушелъ въ каръеру. Еслибъ хохолъ былъ на лошадяхъ, то, оставя обозъ на постояломъ дворѣ, поѣхалъ бы къ судьѣ за 24 версты, но на волѣ ѣхать некуда. Поплакалъ, поплакалъ, да и пошелъ съ обозомъ далѣе. Все это происшествіе было мнѣ извѣстно, но что я могъ сдѣлать безъ обвинителя? Въ сущности тутъ до грабежа одинъ шагъ; — но не грабежъ, а самоуправство.

— „Что касается", — замѣтилъ Матвѣй Матвѣичь, — „до разрозненности судебной власти съ исполнительной, то, для нашего брата, степняка, это обстоятельство является источникомъ безчисленныхъ затрудненій. Но не надо упускать изъ виду, что эти затрудненія лежатъ не въ законодательствѣ, а въ нашей земской бѣдности. Въ городахъ этихъ затрудненій нѣтъ. Законъ прямо указываетъ на, вполнѣ зависящаго отъ судебной власти, исполнителя, судебнаго пристава, а мы, по бѣдности, содержимъ одного такого пристава при мировомъ съѣздѣ, возлагая его обязанности по уѣзду на становыхъ, за небольшую приплату къ ихъ казенному содержанію и на волостныхъ старшинъ безъ всякаго вознагражденія. Чтожь удивительнаго, что всякое рѣшеніе, вошедшее въ законную силу, попадая въ совершенно чуждую сферу полиціи, а тѣмъ болѣе волостнаго правленія, подвергается, смотря по обстоятельствамъ, новому процессу осуществленія? Сдѣлайте такъ, какъ говоритъ законъ. Поставьте всюду вашихъ судебныхъ приставовъ и весь этотъ ералашъ прекратится".

— Вы правы Матвѣй Матвѣичь. Указанное вами средство вполнѣ законно и радикально. Жаль только, что оно связано съ двойнымъ неудобствомъ: — новыми, значительными расходами для земства и въ большинствѣ случаевъ несообразнымъ съ цѣною иска обремененіемъ крестьянъ. Судебный приставъ *ѣдетъ* взыскивать съ крестьянина рубль и по тому самому вынужденъ взыскать съ него до 4 рублей вознагражденія въ свою пользу. Итого, вмѣсто

рубля, пять. А волостной старшина взыскиваетъ на мѣстѣ безъ всякаго вознагражденія. Поэтому предоставить мировому суду право наложенія на исполнителей штрафа, хотя бы въ размѣрахъ 5 рублей, едва ли не практичнѣе. Тѣмъ болѣе, что подчиненіе волостныхъ судовъ мировымъ судьямъ въ апелляціонномъ порядкѣ одна изъ насущнѣйшихъ потребностей. Вы знаете, что мировымъ судьямъ отбою нѣтъ отъ просителей, недовольныхъ рѣшеніями волостныхъ судовъ. Называя этотъ судъ *лапотнымъ судомъ*, они прямо говорятъ: „вчера самъ же онъ меня ограбилъ, а сегодня пьяный меня судитъ“. Кромѣ того волостные старшины не умѣютъ, или не хотятъ предать дѣлу суда той серьезности, безъ которой оно идти не можетъ. Сплошь да рядомъ отвѣтчики и обвиняемые, по нѣсколько разъ къ ряду, не являются по вызову суда, а несчастный истецъ, или обвинитель и въ полгода не добьется разбирательства. Даже у добросовѣстныхъ, но безграмотныхъ старшинъ, всѣмъ ворочаютъ волостные писаря, нравственный уровень которыхъ, за немногими исключеніями, едва-ли не самый низкій во всей волости.

— „Со всѣмъ этимъ“, сказалъ Матвѣй Матвѣичъ,—„нельзя не согласиться. Я согласенъ, что подсудность незначительныхъ кражъ со взломомъ мировымъ учрежденіямъ, избавило бы насъ, пустынножителей, отъ многихъ затрудненій и значительно уменьшило бы самое воровство, но на возбужденіе преслѣдованія за самоуправство помимо обвинителя, я несогласенъ. Видно вашему хохлу не довольно тошно пришлось, коли онъ не поѣхалъ жаловаться. Положимъ, подобные случаи не рѣдкость, но преслѣдованіе обидъ, помимо обвинителя, мнѣ кажется повело бы къ большимъ недоразумѣніямъ, какъ напримѣръ: къ невозможности окончить дѣло примиреніемъ“.

— Вы правы Матвѣй Матвѣичъ. Такого рода преслѣдованіе могло бы быть допущено, какъ исключеніе, при несомнѣнныхъ данныхъ. Но за то съ вашей точки зрѣнія на дѣло, обидчикъ поступитъ наиболѣе благоразумно, лишивъ обиженнаго, безъ членовредительства, способности явиться на судъ.

Старинные англійскіе часы пробили 11 и хозяйка ушла на покой. Вскорѣ письмоводитель послѣдовалъ ея примѣру—и мы съ Матвѣемъ Матвѣичемъ остались одни. „Вы не хотите спать“? спросилъ онъ меня.—Нѣтъ. Должно быть крѣпкій чай совершенно прогналъ мою усталость и я съ удовольствіемъ посижу.—Хотя вы давеча, Матвѣй Матвѣичь, и повернули мои слова о новомъ судѣ въ шутку, но я, какъ сельскій обыватель, возвращаюсь къ этому, для насъ интересному, вопросу и прибавлю, что, не смотря на прежнее кулачное право, дѣла съ рядчиками при новыхъ порядкахъ, даже лучше чѣмъ были при крѣпостномъ правѣ. Вы, можетъ быть, этого не помните, а я очень хорошо помню. Бывало къ помѣщику хоть не ходи жаловаться на его крестьянина. Это считалось личной обидой. При патріархальныхъ отношеніяхъ это впрочемъ понятно. Также относился эскадронный и ротный командиръ къ жалобѣ на его солдата, такъ и до сихъ поръ отецъ слушаетъ жалобу на сына.

— Вы говорите — я не засталъ, — воскликнулъ Матвѣй Матвѣичъ. Давно-ли это было? Мало ли я повозился съ этимъ явленіемъ? Вы не застали моего дядю Обручева?

— Нѣтъ не засталъ, но засталъ, доживающую послѣдніе дни, его жену Анну Игнатьевну, которая въ бездѣтной старости пристрастилась къ дорогимъ кукламъ. Помню ея старинный домъ, соединенный съ церковью липовой аллеей, проходившей черезъ такой же садъ.

— Стало быть вы, хотя отчасти, знаете обстановку, въ которой мой покойный дядя прожилъ безвыѣздно лѣтъ 20. Предоставивъ хозяйство крѣпостному прикащику, Михайлѣ Ефремову, дядя самъ ни во что не вмѣшивался. Крестьяне его были народъ ловкій, частію зажиточный, но по большей части отъявленные мошенники. Принявшись за хозяйство, я, какъ ближайшій сосѣдъ, по неволѣ вступалъ съ нимъ въ разныя отношенія и иногда принужденъ былъ обращаться къ дядѣ съ жалобами. Что это была задача не легкая, вы поймете, узнавъ образъ жизни моего покойнаго дяди. Дядя мой, отставной флота капитанъ 2-го ранга, проведя всю жизнь на

кораблѣ, перенесъ свои привычки въ наслѣдственный домъ и какъ бы перемѣнилъ одинъ корабль на другой. Напившись рано утромъ чаю съ ромомъ, онъ отворялъ дверь изъ залы въ гостиную и начиналъ прогулку изъ комнаты въ комнату, заложа руки за спину. Въ 12 часовъ онъ неизмѣнно произносилъ: — „Анна Игнатьевна! кажется адмиральскій часъ пробилъ!“ На это тетка, не отвѣчая ни слова, подавала ему ключики отъ буфета. Выпивъ порцію, дядя безмолвно возвращалъ ключи и снова пускался гулять изъ комнаты въ комнату, до обѣда въ 2 часа. Послѣ обѣда тоже прогулка до чаю, и затѣмъ до ужина. Лѣтомъ, каждое воскресенье, дядя надѣвалъ синій фракъ, съ желтыми жилеткой и брюками и отправлялся по аллеѣ въ церковь. Молился онъ усердно и только возмущался торопливостью стараго, подслѣповатаго дьякона, съ разбитымъ голосомъ. Каждый разъ, когда на эктеньѣ дьяконъ начиналъ торопливо бормотать, дядя останавливалъ его замѣчаньемъ:—„Ну кто гонитъ? куда торопится?“ А когда, поминая королеву, дьяконъ, по старой памяти, поминалъ и ея покойнаго супруга, дядя снова восклицалъ:—„Не надо супруга, давно умеръ. Эка память!“—Во все время пребыванія дяди въ деревнѣ, только однажды кучеръ попытался вовлечь его въ домашнія хлопоты, и то неудачно. Кучеръ пришелъ доложить, что на каретномъ сараѣ, надъ самой каретой, крыша протекла, и что надо ее починить.—„А я тебя объ этомъ спрашивалъ?“ сказалъ дядя. Ни какъ нѣтъ. — „Михайло! дай ему 20 линьковъ, чтобы онъ несовался не въ свое дѣло“. Карета сгнила, но никто уже не пробовалъ обращаться къ дядѣ. Въ первое время моего хозяйства, я сунулся было къ дядѣ съ жалобой на мужика, но увидалъ, что непріятность выходитъ большая, а пользы никакой. Съ тѣхъ поръ закаялся.

— Изъ этихъ словъ Матвѣй Матвѣичъ я долженъ заключить, что вы не отвергаете мнѣнія на счетъ облегченія экономической дѣятельности новыми порядками. Либо произволъ, либо законъ. Законъ, ограждающій мошенника отъ самоуправства честнаго человѣка, но неограждающій послѣдняго отъ грабительства мошенника, создалъ бы новое царство произвола въ пользу мошенниковъ.

— Все это прекрасно, сказалъ Матвѣй Матвѣичъ, откидываясь на спинку стула. Никто, болѣе насъ съ вами, не способенъ оцѣнить блага новаго жизненнаго строя; блага цивилизаціи. Но воля ваша, нельзя подъ часъ не пожалѣть о многомъ хорошемъ, первобытномъ, могучемъ, ежедневно смываемымъ набѣгающей волной этой цивилизаціи.

— Вы, Матвѣй Матвѣичъ, хотите поднять тэму, которую я уже слыхалъ, а именно: *что изъ ржи дѣлаютъ спиртъ, но изъ спирта невозможно сдѣлать прежнюю рожь.*

— Это именно я и хотѣлъ сказать. Цивилизація такая тычинка, съ которой привыкшее къ ней растеніе уже никогда разстаться не можетъ. Дикія лошади сами разгребаютъ снѣгъ, добывая себѣ кормъ, а попробуйте выпустить на зиму вашъ табунъ. Уцѣлѣетъ ли хоть одна?

— Прекрасно, Матвѣй Матвѣичъ. Не будемъ спорить противъ очевидности, но желательно бы видѣть обращикъ той первобытной ржи, которую цивилизація передѣлываетъ въ спиртъ.

— Что касается до меня, сказалъ Матвѣй Матвѣичъ, то при нашихъ ежедневныхъ столкновеніяхъ съ сельскимъ людомъ, я ихъ вижу на каждомъ шагу. Вотъ одинъ изъ нихъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ, въ сѣнную уборку мнѣ доложили о приходѣ отставнаго солдата, снявшаго у меня десятину земли подъ овесъ.—Что тебѣ надо Терентьичъ? спросилъ я солдата. „Пришелъ попросить, чтобы вы мнѣ простили 6 руб. за овесъ“.—Что ты братъ! Съ ума что ли сошелъ? Ты знаешь, я этого, ни для тебя, ни для кого другаго не сдѣлаю.—„А я съ тѣмъ пришелъ, что знаю, что вы для меня это сдѣлаете. Потому, что это особъ-статья“.—Что такое за статья?—„А вотъ изволите видѣть. Былъ у меня во рту ракъ и мучился я съ нимъ года три. Прошлой осенью не въ моготу пришло, и свезла меня старуха въ больницу въ городъ. Тамъ меня дохтора выпользовали и сказали, если опять откроется, болѣе полугода не проживешь. Весной тотъ самый ракъ опять за свое взялся, и стало къ зимѣ мнѣ помирать. Такъ я думаю своей старухѣ припасти эти 6 рублей и пришелъ просить ваше высокоблагородіе, съ меня ихъ

сложить". — Ужъ не врешь ли ты братъ? Раскрой ротъ. Во рту оказалась страшная язва. Ну хорошо прощаю тебѣ 6 рублей. — „Ваше высокоблагородіе, не будетъ ли у васъ работы косьбы? Ужъ такъ разстараюсь, черезъ великую силу. Надо старухѣ деньжонокъ припасти".—Терентьичъ, во все время уборки, работалъ неутомимо, заработалъ своей старухѣ еще 6 рублей, а послѣ осеннихъ заговинъ умеръ.

На другое утро, мы стали собираться въ недальній, но, по времени года, мучительный путь.

— Право не знаю, сказалъ Матвѣй Матвѣичъ, зачѣмъ вы меня-то тащите?

— Нѣтъ, Матвѣй Матвѣичъ, не отказывайтесь отъ добраго дѣла. Нечего вамъ толковать, что безъ васъ тамъ, кромѣ путаницы и новыхъ неудовольствій, ничего не выйдетъ.

Матвѣй Матвѣичъ какъ-то сдержанно улыбнулся и велѣлъ себѣ запрягать тарантасъ. Дорогой, не смотря на дневной свѣтъ, кучеръ Матвѣя Матвѣича таки заѣхалъ въ такія глубокія колеи, что правое крыло тарантаса оторвалось. Въ полѣ, версты за три за барской усадьбой, у спорной песчаной карьеры, мы нашли истца-обвинителя и цѣлую толпу сторонніхъ людей и свидѣтелей. Подъ мелкимъ осеннимъ дождемъ, приходилось писать обмѣръ и показанія. Обвиняемая заявила, что проситъ Матвѣя Матвѣича быть ея повѣреннымъ. Позвольте, обратились мы къ обвинителю, взглянуть на документъ, на основаніи котораго вы работаете.— „Что касается документа, то я признаю, что подписала его сама", сказала отвѣтчица. „Вы довѣрили мнѣ защиту — позвольте мнѣ отвѣчать". — „Ахъ! виновата, сдѣлайте милость". Въ концѣ документа было сказано: до приступленія къ работѣ, настоящее условіе должно быть засвидѣтельствовано въ волостномъ правленіи, но этого засвидѣтельствованія на условіи не оказалось. Окончивъ громко чтеніе, мы подумали, неужели Матвѣй Матвѣичъ упуститъ изъ виду это обстоятельство. Тогда придется разбирать дѣло по существу, т. е. провозиться цѣлый день надъ безсмысленнѣйшей кляузой. —

— „Позвольте спросить, г. судья, засвидѣтельствованъ ли документъ?“ спросилъ Матвѣй Матвѣичъ.

Обвинитель: „Мы только сейчасъ слышали полное признаніе документа отвѣтчицей и я прошу г. судью записать это признаніе въ протоколъ“. *Отвѣтчица*: „Я только сказала...“ *Матвѣй Матвѣичъ*: „Позвольте васъ спросить — довѣряете ли вы мнѣ защиту, или угодно вамъ самой вести ее?“ *Отвѣтчица*: „Ахъ! извините—я замолчу“. *Матвѣй Матвѣичъ*: „Отвѣтчица признала свою подпись на документѣ, но какъ главное условіе истцомъ не исполнено, т. е. документъ не засвидѣтельствованъ, то я не могу признать его законнымъ, и считаю всю произведенную работу, нарушеніемъ права чужой собственности“.

Обмѣръ признанъ тяжущимися вѣрнымъ и всѣ мы, подъ дождемъ и по грязи, потянулись къ барской усадьбѣ. Послѣ долгихъ разъясненій дѣла, намъ, съ Матвѣемъ Матвѣичемъ, удалось склонить горячащіяся стороны къ мысли о мировой сдѣлкѣ. Начались безконечныя комбинаціи новыхъ условій и уже стемнѣло, когда миръ былъ заключенъ. Надо было все записать и поднялись новые споры объ отдѣльныхъ выраженіяхъ. Словомъ сказать, вмѣсто того, чтобы попасть къ Матвѣю Матвѣичу къ 3 часу, какъ мы надѣялись, мы тронулись въ обратный путь въ 10 часовъ вечера въ непроглядную темноту и подъ проливнымъ, холоднымъ дождемъ. Кучера Матвѣя Матвѣича, какъ болѣе знакомаго съ мѣстностью, мы пустили передомъ. Но какое знакомство съ мѣстностью возможно въ абсолютной темнотѣ? Лошади продрогнувъ, чуть не несли, и мы постоянно кричали нашему кучеру, чтобы онъ не пробилъ оглоблями передняго экипажа. Ни за какія колеса, или патентованныя оси, нельзя поручиться при такой скачкѣ въ потьмахъ, по ямамъ и выбоинамъ, и мы каждую минуту могли очутиться на боку, въ грязи. — „Господи!“ воскликнулъ нашъ письмоводитель, котораго, кажется порядкомъ толкнулъ верхъ тарантаса, „чтобы подумалъ столичный судья о подобномъ путешествіи?“ Наконецъ, намъ показалось, что мы ѣдемъ подъ изволокъ, и слѣдовательно подъѣзжаемъ къ усадьбѣ Матвѣя Матвѣича. Черезъ полчаса вчерашній фонарь проводилъ

насъ въ подземелье, и оттуда мы вышли на свѣтъ Божій, т. е. къ ожидавшему насъ до 12 часовъ ночи обѣду.

Тѣже причины произвели тоже дѣйствіе. Напившись кофею, мы снова засидѣлись съ Матвѣемъ Матвѣичемъ, и разговоръ скользнувъ по извѣстіямъ съ театра войны, перешелъ на самую интересную для насъ тэму современнаго сельскаго быта.

— Что же, Матвѣй Матвѣичъ, какъ же быть съ разбирательствомъ плотника? Теперь вѣрно уже всѣ спятъ?

— Виноватъ! воскликнулъ Матвѣй Матвѣичъ. Плотникъ еще давеча просилъ передать вамъ, что прекращаетъ искъ. Отвѣтчикъ, получа повѣстку, уплатилъ деньги.

— Ну и прекрасно, что повѣстки такъ миротворно дѣйствуютъ.

— Да, да, воскликнулъ Матвѣй Матвѣичъ, дорогой мнѣ пришолъ на память замѣчательный обращикъ старой ржи, и я на досугѣ хотѣлъ вамъ передать его. Васъ не клонитъ ко сну?

— Нисколько.

— Но вѣдь это цѣлая повѣсть?

— Тѣмъ лучше.

— Постараюсь разсказать дѣло, какъ оно совершилось на моихъ глазахъ.

— Я слушаю.

— Филиппъ Ильинъ былъ одинъ изъ перешедшихъ ко мнѣ, по наслѣдству отъ тетки Анны Игнатьевны, крестьянъ. До выхода на выкупъ, крестьяне, по старому обычаю, приходили къ намъ на святой христосоваться и разговляться, и при этомъ случаѣ Ильинъ всегда являлся съ женой, или, какъ онъ говорилъ, со своей старухой Натальей. Не смотря на принадлежность къ распущенному Обручевскому обществу, Ильинъ былъ, какъ говорится, хорошій мужикъ. Хотя въ праздникъ, при поднятіи иконъ, онъ и напивался не хуже другаго, но велъ домъ въ порядкѣ, и домовитая Наталья всегда умѣла его во время увести отъ народа и уложить въ укромномъ мѣстѣ. Не будучи богатымъ, Ильинъ былъ вполнѣ мужикъ зажиточный. Лошади у него были хорошія, а къ его чалому мерину не разъ прицѣнялись барышники и даже одинъ помѣщикъ

ладилъ купить его въ корень. Но Филиппъ, ни за что не продавалъ своего любимца. Ни у кого не было такихъ коровъ, телятъ и домашней птицы, какъ у Натальи. Когда зимой нужно было достать свѣжихъ яицъ, мы прямо обращались къ ней, хотя она неохотно брала за нихъ деньги, подъ предлогомъ, что это дѣло домашнее. Филиппъ былъ человѣкъ сдержанный, и хотя пользовался уваженіемъ общества, никогда не былъ говоруномъ на сходкѣ, да и дома работалъ болѣе молча. Когда я принялъ ихъ общество, Филиппу было лѣтъ 50, а Натальѣ лѣтъ 40. Съ молоду Филиппъ, должно быть, былъ очень красивъ, чего нельзя было предполагать о широкоплечей, приземистой и нѣсколько рябоватой Натальѣ. Дѣтей у нихъ было двое. Красавецъ сынъ и дочь Лукерья, напоминавшая мать. Сына они женили на красивой дѣвкѣ Аннушкѣ, — изъ хорошаго крестьянскаго семейства. Страстно любя сына, Наталья съ первыхъ дней полюбила красавицу Аннушку и своя *Лушка* отошла у ней на второй планъ. Филиппъ никогда не высказывалъ своихъ чувствъ и даже покрикивалъ на домашнихъ, но видно было что онъ доволенъ своей семьей. Но недолго пришлось ему наслаждаться невозмутимымъ счастьемъ. Черезъ полгода красавецъ сынъ его умеръ отъ горячки, оставивъ Аннушку бездѣтной вдовою. Ударъ былъ ужасный. Потужили, потужили старики и увидали, что жить имъ приходится не при комъ. Все ихъ добро должно послѣ нихъ пропасть, а какъ Лушкѣ еще и лѣтъ не вышло, то и положили они взять въ домъ пріемыша и отдать за него Аннушку. Выборъ стариковъ палъ на бобыля Егорку, жившаго, то тамъ, то сямъ, въ работникахъ. Широкоплечій, рослый, рыжій и проворный Егорка показался Филиппу надежнымъ работникомъ и съумѣлъ понравиться Натальѣ, а можетъ быть и Аннушкѣ. Филиппъ не ошибся. Егорка оказался ловкимъ работникомъ въ полѣ и около дома. По старому обычаю, молодые, послѣ свадьбы, явились къ намъ съ курами и полотенцами и мнѣ съ перваго разу не понравились прыгающіе, сѣрые глаза Егорки. Но дѣло было сдѣлано, и мы поздравили и отблагодарили молодыхъ. На святой Филиппъ съ Натальей пришли христосоваться. Выпивши стаканчикъ водки, Филиппъ сталъ раз-

говорчивѣе. — Ну что, Филиппъ, твой чалый? — „Слава Богу". —За зиму-то, говорятъ, у тебя двѣ лошади пали? — „Что тамъ пали. Какія наши лошади? Лажу я одну лошадку, вашей милости можно сказать. У Шведовскаго повара заводская кобыла. Шведовъ-то испугался, больна говоритъ. Да задармо ее изъ завода и спустилъ. Вотъ она къ повару-то и попала. А повару-то за нее 150 руб. давали. Просилъ 200. А теперь, слышно, загулялъ. Вотъ отъ этой матки нашему брату—жеребятъ-то завести. У меня Егорка всѣми этими дѣлами орудуетъ. Золотой малый". Егорка дѣйствительно досталъ превосходную вороную кобылу, о которой мечталъ Филиппъ, и въ продолженіи лѣта, я не разъ любовался ею. Въ тоже время до меня дошли слухи, что Егорка одинъ изъ ревностныхъ посѣтителей вновь открывшагося кабака, хотя Филиппъ и не знаетъ всѣхъ его похожденій. Такъ прошло лѣто. Въ темную, осеннюю ночь, когда въ рабочей избѣ у меня еще не ложились, караульщикъ, услыхалъ звяканье желѣза у двери ржанаго амбара Убѣдясь, что кто-то старается отворить амбаръ, караульщикъ тихо вернулся въ избу и пригласилъ съ собою рабочихъ. Бросившіеся къ амбару работники никого не нашли у двери, но побѣжавшіе за амбаръ, схватили бѣжавшаго человѣка, оказавшагося Филипповымъ Егоркой. Въ замочной скважинѣ, на двери амбара нашли тонкій желѣзный прутъ, перегнутый въ видѣ ключа. Егорка, въ тотъ же вечеръ, былъ сданъ на руки сельскому старостѣ. Вы знаете, что подобныхъ вещей, особливо въ сельскомъ хозяйствѣ, оставлять нельзя. Тѣмъ не менѣе, я попытался окончить дѣло домашнимъ наказаніемъ и съ этой цѣлью велѣлъ позвать Филиппа.—Ну вотъ, Филиппъ, мы съ тобою глазъ на глазъ. Скажи мнѣ по душѣ, виноватъ твой Егорка, или нѣтъ? Филиппъ, стоявшій съ опущенными глазами, поднялъ ихъ на меня, и съ разстановкой проговорилъ: „Нѣтъ не виноватъ".—Теперь я тебя, Филиппъ, спрошу другое: можно ли это дѣло оставить такъ? Во-первыхъ, у меня собирались обокрасть амбаръ, а во-вторыхъ, всѣ станутъ говорить, что твой Егорка пойманъ на воровствѣ. Стало быть надо идти до суда. — „Стало быть до суда", отвѣчалъ Филиппъ, разводя руками. Я подалъ объ-

явленіе. На другой день крещенія, сотскій явился къ Филиппу вызывать его домашнихъ къ судебному слѣдователю, къ которому уже передъ Рождествомъ, былъ отправленъ Егорка. „Когожъ это требуютъ?“ спросила Наталья. „Да тебя“, отвѣчалъ сотскій, „Батюшки“, вскрикнула Наталья, всплеснувъ руками и повалилась у стола, около котораго стояла. Она не вынесла предстоящаго ей позора уголовнаго суда. Хотя, совершенно здоровая до тѣхъ поръ, Наталья скоропостижно умерла на глазахъ полицейскаго сотскаго, тѣмъ не менѣе, дѣло не обошлось безъ обычныхъ, особливо въ крестьянскомъ быту, тяжелыхъ формальностей.

— Вы помните, сказалъ Матвѣй Матвѣичъ, что лѣтъ пять тому назадъ въ нашемъ приходѣ произошла радикальная церковная реформа, надѣлавшая много шуму въ околодкѣ. Нѣтъ надобности говорить здѣсь объ исторіи, вслѣдствіе которой оба штатныхъ священника были переведены на другія мѣста. Тѣмъ не менѣе, собственные дома ихъ оставались въ селѣ за ними, и за ихъ семействами, и потому возникло большое затрудненіе, касательно помѣщенія священника, присланнаго на время для исполненія должности. Новоприбывшій, маленькій и худенькій священникъ кое-какъ помѣстился въ каменной, церковной сторожкѣ. Понятно, что въ качествѣ исправителя чужихъ прегрѣшеній, онъ крѣпко держался формальностей, и потому затруднялся хоронить скоропостижно-умершую, даже при обстоятельствахъ, при которыхъ умерла Наталья. Между тѣмъ къ семейнымъ воплямъ по Натальѣ, присоединился вой Аннушки по Егоркѣ, посаженномъ судомъ на полгода въ острогъ. Филиппъ ходилъ мрачный, какъ туча; но никому не жаловался на свое горе. Такъ прошло 6 недѣль, и въ домѣ все приготовилось къ поминкамъ Натальи. Аннушка и Лукерья напекли блиновъ, нажарили картофелю, а Филиппъ пригласилъ священника. Отправивъ службу, маленькій священникъ снялъ церковныя одежды и, вмѣстѣ съ двумя причетниками, сѣлъ за столъ, на который Аннушка поставила блины. Будучи по сану старшимъ лицомъ, онъ первый положилъ передъ собою, на особо приготовленную тарелку блинъ и сталъ его ѣсть. Но не съѣвши и половины блина, кашлянулъ, захрипѣлъ и пова-

лился на лавку. Не смотря на общее желаніе присутствующихъ спасти, очевидно подавившагося священника, всѣ принятыя мѣры остались безуспѣшны и черезъ пять минутъ на лавкѣ, подъ святыми, лежалъ трупъ священника. На этотъ разъ поднялась суета страшная. Причетники, оставшіеся единственными блюстителями церковнаго обряда, боясь окоченѣнія трупа, одѣли его въ полное облаченіе, но поднять изъ избы Филиппа не рѣшились, и самого Филиппа отправили на подводѣ за становымъ. Пріѣхавшій за 30 верстъ, становой дозволилъ отнести священника въ занимаемую имъ церковную старожку и, хотя не нашелъ достаточныхъ причинъ для вскрытія, но не разрѣшилъ погребенія, до увѣдомленія о случившемся духовнаго начальства; а священника, какъ преждевременно облаченнаго, приказалъ разоблачить. Филиппу снова пришлось отвозить становаго за 30 верстъ по велико-постнымъ зажорамъ и просовамъ. Измучивъ пару лошадей, онъ запрегъ свѣжую и на этотъ разъ въ корень попала его любимица, вороная кобыла. Былъ ли Филиппъ отуманенъ всѣми невзгодами, и плохо сдерживалъ рьяную кобылу, или дорога была слишкомъ тяжка, но дѣло въ томъ, что вороная кобыла, у самаго крыльца становаго пристава, пала и Филиппъ дотащился до дому на пристяжной. Когда на святой крестьяне пришли къ намъ христосоваться, Филиппа между ними не было. Спрашиваю старосту: отъ чего нѣтъ Филиппа?—„Никуда не показывается“, отвѣчаетъ староста. „Вотъ и сегодня, въ большой праздникъ, вышелъ на гумно, сидитъ подъ соломеннымъ ометомъ, лицомъ въ поле и плачетъ. Мы было зазывали его выпить водочки „ну васъ“, говоритъ, „не надо“. Мнѣ однако, удалось зазвать его къ себѣ, угостить и нѣсколько ободрить, указывая на то, что главѣ семейства, безъ окончательнаго разоренія, нельзя такъ ото всего отказываться. Въ самомъ дѣлѣ, въ крестьянскомъ быту и нравственно убитый человѣкъ не можетъ оставаться праздднымъ. Филиппъ снова принялся за хозяйство, а къ хлѣбной уборкѣ вернулся Егорка изъ острога. Въ началѣ овсяной уборки, Аннушка пришла къ женѣ моей просить какого нибудь лекарства Филиппу, который третій день не сходитъ съ печки отъ засоренія желудка. Это было во время утрен-

няго кофея. Набравши всякаго рода домашнихъ лекарствъ, я въ полдень отправился самъ навѣстить Филиппа. Еще за порогомъ избы я услыхалъ его оханье.—Что это ты, Филиппъ, завалялся? спросилъ я больнаго. Вставай-ка братъ. Я тебѣ приготовилъ отличную десятину овса косить.—„Съ великою бы радостью, отвѣчалъ больной, „да, видно, дѣло не къ тому идетъ“.—Что ты! Вотъ дадимъ тебѣ лекарство и завтра ты опять будешь молодцомъ. Дѣйствительно я не поскупился на касторку и ушелъ въ полной надеждѣ на хорошій исходъ. Другія занятія отвлекли мои мысли отъ больнаго Филиппа, а на слѣдующее утро мнѣ доложили о приходѣ старухи, сосѣдки Филиппа.—Что скажешь, Матрена? спросилъ я старуху.—„Да Филиппъ твоей милости приказалъ долго жить“.—Какъ, умеръ, когда?—„Да вчера, вечеромъ. Ты знаешь какое теперь время, рабочаго народушку по избамъ-то никого. Только старый, да малый дома, а то всѣ въ полѣ. Вотъ и я старуха осталась съ ребятишками. Притворила двери въ избу и на задворокъ и сѣла въ сѣнцахъ прясть. Вдругъ почудилось мнѣ, словно кто-то кличетъ. Глянула черезъ порогъ на улицу и обмерла. Черезъ порогъ торчитъ въ сѣнцы человѣчья голова. — „Матрена, а Матрена!“ Тутъ-то ужъ я по голосу узнала, что это Филиппъ изъ своей избы на рукахъ приползъ. Что-ты, Филиппъ, зачѣмъ? „Помирать“, говоритъ—хочу. Такъ пришолъ тебя попросить: сходи ты къ барину, попроси отъ меня, чтобъ онъ не оставлялъ моей Лушки“. Проговорилъ только всего и опять поползъ домой. Хотѣла я ему подсобить подняться „ненадо“, говоритъ. „Ноги отнялись. Самъ доползу“.

Вечеромъ домашніе нашли еще Филиппа въ живыхъ, но уже безъ языка, а часамъ къ 12 ночи онъ скончался. По окончаніи хлѣбной уборки, я вспомнилъ просьбу Филиппа и, позвавъ сельскаго старосту, узналъ что опасенія покойнаго, касательно судьбы его дочери, вполнѣ оправдались. Рыжій Егорка, ставшій, по крестьянскому обычаю, полновластнымъ главою двора, выгонялъ единственную наслѣдницу изъ дому, не давая ей ничего въ приданое. Принудить его къ выдачѣ наслѣдства законнымъ путемъ не было воз-

можности. Я рѣшился заманить Егорку въ западню. Вызвавъ его къ себѣ въ переднюю черезъ сельскаго старосту, я приказалъ послѣднему, забравъ съ собою двухъ сторонних свидѣтелей, обождать съ ними у меня за дверью, въ сѣняхъ.

— Чтожъ ты, Егорка, не даешь Лушкѣ никакого приданаго?— „А чтожъ ей давать? Все мое“.—А холсты то ея? — „Холсты Аннушкины“. Такъ-таки ничего и не дашь?—„Ничего не дамъ“.

— Врешь, этому не бывать. Отдай ей половину холстовъ — „Помилуйте, за что?“ — А вотъ за что: ты видишь, дверь на крючкѣ и я тебя бить буду до тѣхъ поръ, покуда ты не согласишься выдать холсты.—„Да какъ же такъ?„ Очень просто. Сейчасъ за виски и пошла писать.—„Ну, ужъ видно дѣлать нечего, отдамъ половину холстовъ“.—У васъ корова и телка. Корову оставь себѣ, а телку ей.—„Помилуйте, за что?—„За виски.—„Что дѣлать, такъ и быть, отдамъ телку“.—Изъ шестьнадцати овецъ — ей восемь.—„Помилуйте, это разоръ!—Бить буду. „Да ужъ извольте, видно такъ и быть“.

Такимъ образомъ, перечисливъ все приданое Лукерьи, я громко повторилъ все, слѣдующее ей по раздѣлу и, заставивъ Егорку выразить свое согласіе, пріотворилъ двери и спросилъ старосту и свидѣтелей: слышали ли они чѣмъ Егоръ награждаетъ Лукерью? — „Слышали батюшка!“ Такимъ образомъ, при небольшой денежной помощи съ моей стороны, Лукерья оказалась обезпеченною на счетъ приданаго, а въ скорости я узналъ, что она идетъ за мужъ за одно сельца, вся семья котораго была мнѣ извѣстна съ самой дурной стороны. Первымъ дѣломъ моимъ было позвать Лукерью и всѣми мѣрами постараться разстроить это сватовство. Убѣжденный въ нелѣпости ея намѣренія, я указывалъ ей на безнравственность, на худую славу и на бѣдность семьи, въ которую она шла, предсказывая, что не пройдетъ году, какъ и ея имущество будетъ также безпутно промотано, а ее ожидаетъ безотрадная жизнь. Въ продолженіи моей рѣчи, Лукерья стояла съ опущенными глазами и, перебирая руками полу кафтана, не произнесла ни одного слова. Подъ конецъ, убѣжденный въ полномъ успѣхѣ, я спросилъ: чтожъ,

Лукерья, надо отказаться? Ужъ я тебѣ сыщу не такого жениха.— „Какъ же можно“, сказала Лукерья, подымая на меня глаза, „я пропита“.—Ктожъ тебя пропилъ?—„Самъ старикъ“.—Филишъ?— „А то ктожъ“.

Напрасно старался я убѣдить Лукерью, что слово покойнаго отца, данное во хмѣлю, не обязываетъ ее погубить свою молодую жизнь. Ничто не помогло. Она стояла на своемъ, что такого сраму, чтобы пропитая дѣвка отказалась отъ жениха, и неслыхивано. Я махнулъ рукой и Лукерья добровольно вошла въ семью, въ которую была пропита отцемъ.

А. ФЕТЪ.

ность Нечаева.—Революціонная фантасмагорія.—Выводы, къ которымъ приводитъ гласное обсужденіе Нечаевскаго дѣла. — Пренія московскаго и харьковскаго земства.—Харьковскіе «торіи» и ихъ историческая эрудиція. — Податной вопросъ въ прибалтійской окраинѣ. — Нѣсколько словъ объ одномъ щекотливомъ вопросѣ 9

XII. **Политическое обозрѣніе.** Франція послѣ комунальной усобицы 25

XIII. **Приложенія.** Историческія матеріалы. Записки И. И Мартынова.

„ЗАРЯ“

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

въ 1871 году

будетъ выходить ежемѣсячно, отдѣльными книгами отъ 25 до 30 листовъ.

ЦѢНА ПОДПИСКИ.

На годъ	**15**	руб.	
На полгода	**7**	»	**50** к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	**15**	»	**50** »
Съ пересылкою въ губерніи . .	**16**	»	**50** »

Для гг. служащихъ дѣлается разсрочка, но не иначе, какъ за поручительствомъ гг. казначеевъ.

За границу подписка принимается только **на годъ**, съ приложеніемъ къ цѣнѣ въ губерніяхъ за пересылку по почтѣ: 1 руб. въ Пруссію и Германію, 2 руб. въ Бельгію, 3 руб. во Францію и Данію, 4 руб. въ Англію, Швецію, Испанію и Португалію, 5 руб. въ Швейцарію, 6 руб. въ Италію и Римъ.

Подписка принимается: для иногородныхъ *исключительно* въ редакціи журнала **„ЗАРЯ“** (Саперный переулокъ д. Мельникова). Въ С.-Петербургѣ: въ редакціи и въ книжныхъ магазинахъ: А. Ѳ. Базунова, Я. А. Исакова и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ: Въ Москвѣ: у книгопродавца И. Г. Соловьева (Страстной бульв., д. Алексѣева).

За исправную и своевременную доставку книгъ редакція отвѣчаетъ только подписавшимся въ самой редакціи.

Подписка въ почтовыхъ конторахъ не допускается.

В. Кашпиревъ

издатель и отвѣтственный редакторъ.